

УДК 81'42; 821.161.1'37; 811.161.1; 321:01; 303.7:81'42:808;
316.33:327; 316.722; 001.18; 008.2

*Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А.,
Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М.,
Герасименко Н.А., Шаповалова Т.Е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А.,
Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д.*

ТЕКСТ ОСТАЁТСЯ ТЕКСТОМ? (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Аннотация. В ходе Международного Круглого стола, организованного электронным журналом «Вестник Московского государственного областного университета», обсуждались сущность текста, формы его бытования, особенности реализации языковых категорий, функции, специфика трансляции информации и восприятия адресатом. Рассматривались сложные образования: сверхтекст, гипертекст, креолизованный текст. Материалом для размышления послужили тенденции и инновации, отмеченные в рамках политического дискурса, художественного, публицистического текстов. Особое внимание уделено проблемам трансформации текста и его образно-эстетической организации в художественно-стилистических целях и во имя привлечения внимания адресата, воздействия на него и его убеждения. В дискуссии приняли участие известные лингвисты, политологи, философы из различных вузов России и Белоруссии.

Ключевые слова: текст, сверхтекст, гипертекст, политический дискурс, художественный текст, категории и формы текста, образность.

***A. Loshakov, I. Papusha, E. Beglova, O. Boitsova, A. Shirinyants, V. Gutorov,
N. Khalikova, T. Simashko, V. Shvetsova, N. Gerasimenko, T. Shapovalova,
E. Muratova, A. Akulova, V. Ledeneva, Yu. Artamonova***

DOES A TEXT KEEP BEING A TEXT? (ROUND TABLE)

Abstract. During the International Round Table organized by the electronic journal "Bulletin of Moscow State Regional University", the essence of the text, forms of its being, features of linguistic categories implementation, as well as text functions were discussed. Besides, the specificity information broadcasting and its perception by the addressee were also highlighted. Such complex entities as: cortex, hypertext, and creolized text were considered. Trends and innovations highlighted in the political discourse, literary, journalistic texts served as material for reflection. Special attention was paid to the problem of text transformation and its figurative-aesthetic organization in artistic-stylistic purposes and for attracting the addressee's attention, his

beliefs, and impact. Well-known linguists, political scientists, and philosophers from different universities of Russia and Belarus took part in the discussion.

Key words: text, cortex, hypertext, political discourse, literary text, categories, and forms of a text, figurativeness.

Леденёва В.В.

*доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация)*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Нельзя не отметить разнообразия научных подходов к изучению языка и речи, её форм бытования, прежде всего, как текста в его стиливых, дискурсивных реализациях в специфике текстовых категорий и различных проявлений авторства. Текстцентризм и антропоцентризм в современной науке связаны феноменом языковой личности – творца и интерпретатора текста. Языковой личности необходим (и предлагается) текст как средство коммуникации (в том числе межкультурной и кросстемпоральной), познания и хранения информации, как способ и возможность выражения оценки мира и его событий, эстетического представления его видения сквозь индивидуально выбранную призму.

Влиять, информировать, убеждать, манипулировать, вызывать эмоциональные или прагматические реакции и т. д. – всё это можно делать с помощью текстов различных стилей, жанров, форм, линейного и нелинейного строения, разного времени создания. От адресата сам текст тоже требует многосторонней деятельности, взаимодействия с ним, о чём писал ещё Ю.М. Лотман. Вследствие когнитивных процессов, протекающих с учётом сложной комбинаторики смыслов, доносимых текстом, «полисемантической», он становится для языковой личности источником креативности, опорой при создании самостоятельных текстов-выводов, оставаясь общественно значимым продуктом, даже если его глубину не удастся постичь в первом приближении.

Наш Круглый стол посвящён проблемному вопросу «Текст остаётся текстом?», потому что формы воплощения и предъявления текстов адресату, пространства их бытования существенно изменились в XXI в., появились новые его носители и расширились возможности создания текстовой ткани у автора и издателя, с одной стороны, а с другой – специфические предпочтения, требования к его презентации у современного реципиента.

Хорошо изученный специалистами в различных аспектах, включая интертекстуальность, креолизацию, текст всё же раскрыл не все свои загадки, а его метаморфозы в мультимедийном пространстве, в безграничности виртуальной сферы требуют дальнейшего осмысления.

Лошаков А.Г.

*доктор филологических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
(филиал - Гуманитарный институт)
(164520, г. Северодвинск, ул. Торцева, д. 6, Российская Федерация)*

И СЛОВО ЭТО БЫЛО ТЕКСТОМ...

(ЗАМЕТКИ О «-ТЕКСТЕ», СВЕРХТЕКСТЕ И ИХ ТИПОЛОГИИ)

Вопросы о сущности текста, его конститутивных признаках и в связи с этим о соотношении текста и обширного класса «-текстов» – архитекстов, надтекстов, интертекстов, подтекстов и др. [56], в большей или меньшей мере отстоящих от текстов «образцовых», иначе – «прототипических» [45], являются предметом нескончаемых филологических дискуссий. Думается, что в их контексте прецедентное евангельское высказывание «В начале было Слово...» вполне могло бы быть продолжено следующим образом: *и Слово это было текстом* – поскольку, как мы полагаем, и Слово (логос, речь, высказывание, учение), и слово как таковое вполне соответствуют сложившемуся представлению о тексте и его основных свойствах: взятые в ситуации общения, оба они имеют знаковую природу, являются результатом разума, осознаются как гештальт, структурированы, информативны, соотносятся со знаниями о мире и языке, диалогичны, коммуникативны, эмоциогенны и перлокутивны. К тому же они прегнантины (чреваты) ассоциативностью и интертекстуальностью. Именно Слово-текст «преображает мир в мысль» (В. Гумбольдт), а мысль в «возможный мир» – объективированный в языковых знаках, схваченный текстом и им же ограниченный условно-реальный мир. Ни язык («в себе и для себя»), ни речь сама по себе, а именно тексты во всей своей структурной разнообразности – Слово-текст, слово-текст, язык как инферентный текст и т. д. – создают человеку возможность наблюдать и изучать свою мысль о мире и себе самом, наполнять ее содержанием и восполнять его, опираясь на знания о мире и языке. Воспринимаемый адресатом «мир выражения» текста актуализирует стоящий за ним пронизанный личностным (модальным) началом мир концептов – идей, представлений, идеалов, предрассудков, коннотаций, ци-

таций и ассоциаций и устанавливает концептуальные и трансконцептуальные связи, из чего, собственно, и произрастает концепция текста.

Нелишним будет вспомнить, что об эквивалентном соотношении художественного текста и слова классики русской филологии начали говорить еще на рубеже XIX–XX вв. Так, А.А. Потебня мыслил и слово, и текст как целостные смысловые единицы, данные в точке пересечения языка и речи, синхронии и диахронии, системы и процесса. По мысли ученого, «слово имеет все свойства художественного произведения», оба они обладают глубинным и диахроническим измерением, способны выражать «нечто *иное и большее*», чем то, что в них «непосредственно заключено», пробуждать в памяти значения, принадлежащие произведениям иных эпох, традиций; художественное произведение заключает в себе целостно-единый мир, создаваемый способностью слова, образа («одного главного образа»), стоящего за ним, «к разложению и, следовательно, связи с другими» [81, с. 44, 36, 38, 155]. Для обоснования своего понимания направленного ассоциирования слова-образа как фактора тексто- и смыслопорождения Потебня обращался к сочинениям В. Гумбольдта. Так, цитируя немецкого философа: «Способ постановки одной фигуры в поэтическом произведении заставляет фантазию не только присоединить к ней многие другие, но и именно столько, сколько нужно для того, чтобы вместе с первою образовать замкнутый круг» – ученый приходит к выводу, что текст обладает потенциальной открытостью (ибо, по Гумбольдту, «каждая точка есть центр целого, и, следовательно, целое беспредельно и бесконечно...» [81, с. 36]), что и слову, и художественному произведению свойственны «идеальность» и «цельность», что оба они являются «результатом бессознательного творчества, средством развития мысли и самопознания», «синтезом трех моментов (внешней формы, внутренней формы и содержания)» [81, с. 38]. В сходном ключе развивалась и мысль Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Эти и другие мысли учёных, разумеется, модернизированные, без труда обнаруживаются в основе многих современных интерпретативных концепций текста. Как и слово, текст (произведение) «готово стать подлежащим или сказуемым других вновь возникающих» [81, с. 35] текстов. По сути, любое имя, за которым стоит богатое концептуальное содержание (семантическое пространство), предполагающее со стороны реципиента активный когнитивно-креативный процесс, становясь предметом общения, предметом языковой рефлексии, претворяется в текст инферентного (выводного) характера.

Вопрос о слове-тексте важен как для общей типологии текстов, так и для типологии представленных в начале выступления «-текстов». Немалую часть среди последних составляют такие, чей план выражения структурно соотносим со словом. Это и тексты-названия, и ряд деграмматикализованных

ных текстов, текстов-примитивов, (Л.В. Сахарный, Л.Н. Мурзин); это и некоторые разновидности таких текстов-метонимий, как «коммуникативные фрагменты» (Б.А. Гаспаров), реминисценции, заглавия; с определенной долей условности к ним можно отнести и «эйдосы смыслового целого» – «инфратексты» (В.И. Тюпа), и онтотексты (М.К. Мамардашвили).

Необходимо сказать, что вопрос о типологии «-текстов» более чем успешно решается в работах Т.Е. Литвиненко. Эффективность и перспективность предложенной исследовательницей полевой типологии категории текста с выделением подвижного ядра и периферии заключается в новом подходе к пониманию категории, отличном от классического, аристотелевского толка, при котором из нее исключаются «все переходные, маргинальные объекты, приводящие к размыванию ее четко фиксированных границ». Напротив, при альтернативном подходе, «статус члена категории приобретают как лучшие, эталонные представители класса текстов, выступающие в роли категориальных прототипов, так и вербальные объекты, в какой-то мере отличающиеся от них как от образцов» [56, с. 13]. Как известно, данный подход к категории текста получил обоснование, в частности, в ряде работ Е.С. Кубряковой [45]. Соответственно, эталонные тексты, составляющие центр категории, который, в зависимости от точки зрения исследователя «может до некоторой степени смещаться и сужаться» [56, с. 22], обладают тем набором признаков, которые в основном представлены в уже ставших классическими определениях текста («категориального прототипа»), принадлежащих Р.А. де Богранду и В. Дресслеру, И.Р. Гальперину, Е.С. Кубряковой и др.

В типологии «-текстов» Т.Е. Литвиненко в сегменте, представляющем периферию категории текста, наряду с унитекстом, мегатекстом, надтекстом, стереотекстом (М.Н. Эпштейн), макротекстом (Г.В. Денисова, К.Н. Тищенко, В.Е. Чернявская), своё место занимает и свертхтекст (Н.А. Купина, Г.В. Битенская, Н.Е. Меднис и др.), структура которого представляет собой «совокупность отдельных, вполне самостоятельных текстов, объединяемых их создателями, получателями и исследователями на основе критериев их содержательной, коммуникативной и функционально-стилевой общности». От ядерных текстов данные «-тексты» отличаются отсутствием у них языковой связности, которая тем не менее компенсируется интертекстуальностью [56, с. 29–30].

Отметим, что в нашем понимании свертхтекст представляет собой целостное, полиструктурное, многомерное «сверхсемантическое» образование, репрезентируемое множеством текстов, направленно референцирующих к единому полиаспектному семиотическому объекту описания и интерпретации, отмеченных интенционально направленной (единство

прагматической установки) ассоциативно-смысловой связью, позволяющей проявляться таким свойствам сверхтекста, как кроссжанровость, кросстемпоральность, кроссперсональность, открытость и подвижность структуры, трансгрессивность, т. е. способность каждого его субтекста метонимически представлять смысловые узлы сверхтекста, устанавливая метатекстовые взаимоотношения между целым и частью.

В настоящее время феномен сверхтекста изучается весьма активно, предложены разные варианты его типологии [47; 66; 102; 60], которые по отношению друг к другу носят скорее уточняющий и дополняющий характер, нежели взаимоисключающий. Как нам представляется, остается нерешенным и мало обсуждаемым вопрос о минимальном и максимальном сверхтекстах, своего рода пределах его потенциальной парадигмы, выделяемой в концептуальной текстосфере, названной М.Н. Эпштейном унитекстом – «всемирным текстом человечества». По его словам, «с развитием всемирной Сети, компактно сжимающей всю знаковую вселенную, становится все более ощутимой реальность „всемирного текста“. Унитекст – это одновременно **уни-версальный** и **уни-кальный** текст. Как и универсум, он существует в единственном числе, ибо объемлет все, что написано на всех языках. Национальные компоненты **унитекта** электронно взаимосвязаны и в принципе автоматически взаимопереводимы (хотя еще и крайне несовершенно)» [129]. Так, знакомство с последними публикациями, посвященными сверхтексту, убеждает, что исследователи, руководствуясь, прежде всего, практическими целями, предпочитают сужать его сферу, исключая из неё «совокупности текстов, созданных одним автором на протяжении его жизни, а также в определенный период творчества или на определенную тему (например, цикл стихотворений)» [124, с. 168]. Но, думается, такой подход в принципе не противоречит пониманию лингво-концептуальной сущности сверхтекста как многочисленного ряда отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов [59]. Сущность эта будет по-разному, вариативно, проявляться, например, в так называемых локальных и именных сверхтекстах, компоненты которых референцируют к прецедентным в культуре феноменам и ими порождаются. Например, сверхтекст древнерусской литературы центрируется, в частности, посредством летописных текстов (своего рода тоже сверхтекста), транслирующих «через года и века идеи единства, законности, вывода об обязательности уроков истории», с учётом концептуального единства, создаваемого словесными реализациями таких доминантных концептов, как «Бог», «благо», «истина», «вера», «любовь» и др., с учётом «памяти живого поэтического слова» (Н.А. Фатеева), единства адресата – «человека слушающего» и пр. [52].

В аспекте типологии сверхтекста обсуждаемые вопросы, надо думать, согласуются по крайней мере с двумя актуальными в текстоведении тенденциями. Первая связана со стремлением сегментировать пространство унитекста, определить состав и конфигурацию его компонентов. Вторая же, дополняя первую, исходит из необходимости построения непротиворечивой категории сверхтекста, охватывающей максимальное число его возможных реализаций. Аналогом такой категории, на наш взгляд, как раз и может служить модель категории «-текстов», разработанная Т.Е. Литвиненко. Таким образом, актуальным становится вопрос о выделении, с одной стороны, ядерных (эталонных) членов класса категории «сверхтекст» с оптимальным набором конститутивных признаков, с другой – сверхтекстов, располагающихся в различных сегментах периферийной зоны категории. У последних, соответственно, те или иные отсутствующие признаки могут восполняться посредством действия когнитивного механизма *pars pro toto*. Вопрос о претендентах на роль ядерных компонентов, на наш взгляд, может решаться двояко. Такой статус может быть приписан, во-первых, актуальным, «сбывшимся» локальным и именным сверхтекстам, имеющим традицию изучения и обнаруживающим за собой прецедентные в культуре топысы и имена, отягощённые мифологической составляющей (Петербургский текст, Пушкинский текст и др.). Во-вторых, в качестве эталонных могут рассматриваться «минимально предельные» сверхтексты, обладающие вполне обозримыми структурой и семантическим пространством. Это, к примеру, такие композиционно целостные единицы, как пародия, текст-перевод, лирический цикл. Недалеко отстоит от них и стереотекст, состоящий «из двух или нескольких параллельных текстов на разных языках, которые трактуют один предмет и относятся друг к другу как вольный перевод или переложение» [130]. Ближнюю окооядерную зону могут представлять сверхтексты, для которых характерна уже не композиционная, а архитектурная целостность (сборник рассказов, собрание сочинений). Думается, что и та, и другая логика позволит построить многомерную и внутренне непротиворечивую типологию. Главным же условием выделения сверхтекста является принцип усматриваемой целостности. Отметим также, что существующая избыточность терминов, используемых исследователями для обозначения текстовых совокупностей и целокупностей вовсе не должна оцениваться негативно, поскольку, говоря словами Л.О. Чернейко, «это вполне естественное состояние метаязыка, открытого и пронцаемого. Оценивать можно лишь то, как эта избыточность преодолевается» [112, с. 48].

Папуша И.С.

*доктор филологических наук, доцент,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация)*

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ТЕКСТА: СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Сложное синтаксическое целое (ССЦ) – специальным образом организованная, закрытая группа предложений, представляющая собой единое высказывание, – синтаксическая единица языка. Как строевая единица, сложное синтаксическое целое играет одну из ключевых ролей в актуализации особых смыслов текста: акцентированные автором определённые грамматические составляющие сложного синтаксического целого передают его микроидею, которая, в свою очередь, раскрывает замысел автора. Через микротему сложное синтаксическое целое, вмещая определённый информационный объём, передаёт своё отношение к содержанию текста в целом. Микроидея определяет и организует лексико-грамматический состав конкретного сложного синтаксического целого и его целевую направленность в условиях относительно самостоятельного употребления. Из сказанного следует, что структурно-семантическая организация сложного синтаксического целого, формируя основу проявления как его микротемы, так и его микроидеи, представляет его текстообразующим элементом, одной из композиционно-смысловых единиц текста. Сложное синтаксическое целое и текст существуют в неразрывном единстве, так как взаимообуславливают конструктивно-синтаксическую, коммуникативно-синтаксическую и семантико-синтаксическую стороны своей организации [44, с. 6].

Объединение всех предложений сложного синтаксического целого вокруг одной темы есть проявление его смысловой целостности, или семантической изотопии текста. Переход от одной темы к другой есть пограничный сигнал, знаменующий конец одного сложного синтаксического целого и начало либо следующего автосемантического предложения, либо следующего сложного синтаксического целого. Но далеко не всегда легко увидеть в тексте группу предложений, объединённых одной темой, так как в структуре целого текста тематические переходы весьма условны, а сложные синтаксические цели в редком тексте следуют одно за другим. Продемонстрируем эти положения на примере текста стихотворения А.С. Пушкина «Сожжённое письмо» [84, с. 70]:

Прощай, письмо любви! прощай: она велела...

Как долго медлил я! как долго не хотела

Рука предать огню все радости мои!..

*Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают – легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Тёмные свернулись листы;
На лёгком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...*

В этом тексте три сложных синтаксических целых, следующих друг за другом и соответствующих сюжету произведения: необходимость сжечь письмо – процесс сожжения письма – переживания, связанные с этим событием. Тема ССЦ № 1 (так как это тема языковой единицы, то она фиксируется в тексте непосредственно) – *Прощай, письмо любви*. Тема ССЦ № 2 – *Готов я*. Тема ССЦ № 3 – *Свершилось*. Кроме темы, отражающей план содержания, определить границы сложного синтаксического целого позволяет его внешняя форма – план выражения. Первое ССЦ, состоящее из четырёх предложений, построено по сужающейся языковой матрице: первые три предложения сложные бессоюзные, последнее – простое. Сигналом концовки служит и повтор обращения *письмо любви*. Второе ССЦ, тоже состоящее из четырёх предложений, представляет комбинированную языковую матрицу сочетания простых и сложных предложений по схеме: сложное бессоюзное – простое – сложное бессоюзное – простое. Концовка этого ССЦ – *Растопленный сургуч кипит... Междометие О провиденье!* примыкает ко второму сложному синтаксическому целому, но, на наш взгляд, не входит в него, обозначая лишь эмоциональную реакцию на увиденное. Третье ССЦ, состоящее из пяти предложений, представляет комбинированную языковую матрицу варианта «ромб»: два первых предложения и два последних – простые, срединное предложение – сложное бессоюзное.

Уровневый анализ каждого из ССЦ позволил определить ядерные гермы поля языкового напряжения (имеют особенности пяти языковых уровней – самый высокий показатель напряжения), декодирующие микроидею закрытых групп предложений: в первом ССЦ – *передать огню все радости мои*; во втором ССЦ – *Уж перстня верного утратя впечатленье*; в третьем ССЦ – *на горестной груди*. Ядерный герм первого ССЦ совместно с околядерным, имеющим особенности на четырёх языковых уровнях (*Прощай, письмо любви! прощай: она велела*), проявляя интенцию автора, фор-

мируют микроидею первого ССЦ: лирический герой предал свою любовь. Микроидея второго ССЦ складывается из ядерного герма и окологермных (*ничему душа моя не внемлет; Минуту!..вспыхнули! пылают; теряется с молением моим*): впечатление – ‘воспоминание, оставляемое в душе’ [100] – о любви утрачено. Микроидея третьего ССЦ (окологермные гермы – *Тёмные свернулись листы; Грудь моя стеснилась*): жизнь лирического героя без любви печальна. Все микроидеи сложных синтаксических целых, представляя относительно друг друга фоновую информацию, формируют идею всего текста: любовь умерла, но горечь утраты «вечна».

Благодаря наличию в тексте сложных синтаксических целых с их внутренней структурой (поле языкового напряжения, формируемое гермами), можно наблюдать как изменения внешнего плана содержания текста – сюжета, так и внутренние движения смыслов, интенцию автора. Интенцию автора демонстрируют и картины перепадов в полях языкового напряжения каждого из сложных синтаксических целых этого текста (в таблицах 1, 2, 3 эти гермы выделены зелёным и охристым цветами):

Таблица 1

Поле языкового напряжения ССЦ № 1

	1 пред	2 предложение			3 пред.	4 пред.
5 ур.				*		
4 ур.	*					
3 ур.			*			*
2 ур.		*			*	

Таблица 2

Поле языкового напряжения ССЦ № 2

	1 предложение	2 пред	3 предложение			4 предложение
5 ур.						*
4 ур.		*		*	*	
3 ур.			*			
2 ур.	*				*	*

Таблица 3

Поле языкового напряжения ССЦ № 3

	1 пр	2 пр	3 предлож.		4 пр	5 предложение				
5 ур.										*
4 ур.		*			*					
3 ур.	*		*	*		*	*	*	*	
2 ур.										

Таблицы картин перепадов языкового напряжения позволяют увидеть, как используется языковая система в линейной структуре сложного синтаксического целого. Например, третье ССЦ отличается от двух первых ССЦ и наибольшим количеством гермов в поле, и длительными перепадами напряжения на один языковой уровень, и наличием ровности (дважды) напряжения в соседних гермах (в таблице выделено розовым цветом). А если учесть тот факт, что в этом ССЦ нет двухуровневых гермов (в таблице выделено голубым цветом), то мы видим картину перепадов напряжения, характерную для публицистического стиля, для репортажа – репортажа с места события: «эффект присутствия» и «эффект наглядности» есть, а чувств нет.

Последний ядерный герм этого сложного синтаксического целого *на горестной груди* при перепаде напряжения в поле на два уровня «венчает» и весь текст, следовательно, его смыслы важны не только для закрытой группы предложений, но и для всего произведения. В первую очередь внимание привлекает предлог *на*: как декодировать *пепел ...век ... на ... груди?* Полагаем, что в рамках ассоциативных полей можно интерпретировать смыслы, возникающие в результате скрещения библейских фразеологизмов: *посыпать пеплом голову* – ‘предаваться крайней скорби, печали по случаю какой-либо утраты, бедствия и т. п.’ и *бить себя в грудь* (ирон.) – ‘страстно уверять в искренности сказанного или сделанного’. *На* – маркер особого внимания и в то же время показатель чего-то не «внутреннего» (не боли, не печали, не горя, не отчаяния и т. п.). Предлог, использованный в ядерном герме, заставляет усомниться в глубокой искренности чувства скорби. Что подтверждают и другие произведения А.С. Пушкина этого периода: «Вакхическая песня» (*Да здравствуют музы, да здравствует разум!*), «Сцена из Фауста» (*На жертву прихоти моей Гляжу, упившись наслаждением, С неодолимым отвращеньем*), «Борис Годунов» (*ничто не может нас Среди мирских печалей успокоить; Ничто, ничто... едина разве совесть*) и, конечно же, стихотворение «К К***», посвящённое другой женщине (*И вот опять явилась ты, Как мимолётное виденье, Как гений чистой красоты*).

Языковые единицы, использованные в ядерных гермах других сложных синтаксических целых текста, не менее интересны, так как открывают новые и новые грани смыслов. Например, в ядерном герме ССЦ № 1 есть слово *предать*, а в ядерном герме ССЦ № 2 – слово *верного*, и антитетические отношения между этими словами свидетельствуют о динамике чувств лирического героя, с одной стороны. Но, с другой стороны, у слова *верный* в одном из значений есть синоним *преданный* (ср. кому? и кем?), и вот эта игра смыслов в системе языка позволяет их «распредмечивать» в границах сложного синтаксического целого и распространять их значимость на

весь текст. И уже можно говорить не только о трансформации письма в *пепел милый*, но и о философских концепциях поэта. И в таком прочтении главная идея стихотворения «Сожжённое письмо»: всё в жизни преходяще, жизнь – перманентные метаморфозы. Как позже поэт напишет в стихотворении «Пора, мой друг, пора!» (1830): *и каждый час уносит частичку бытия*. Текст анализируемого стихотворения демонстрирует «пронизывающий языковые единицы антропоцентризм» [25, с. 82], а ядерные и околядерные гермы сложного синтаксического целого, аккумулируя микроидею, объективно вскрывают все смысловые приращения, существующие в языковой системе, все «обертонны смысла при непосредственном использовании слов» [51, с. 12] и, расширяя / сужая поле смыслов, исключают субъективные интерпретации.

Сложное синтаксическое целое – специфичная языковая единица текста, так как, обладая внутренней структурой, она привносит в него инструменты многогранного декодирования и его плана содержания, и его плана выражения, и интенции автора, и других единиц системы язык / речь, образующих текст. Надо признать, что текст остаётся текстом и без сложного синтаксического целого, так как в языке большое количество текстообразующих единиц, но наличие сложного синтаксического целого – показатель высокой организации текста.

Беглова Е.И.

*доктор филологических наук, доцент,
Нижегородская академия Министерства внутренних дел России
(603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3, Российская Федерация)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Текст в тексте мы понимаем как введение в авторский текст чужого текста с коммуникативно-прагматической целью [18, с. 141]. В качестве чужого текста могут выступать ранее написанный текст того же автора, цитаты из текстов других авторов, пересказ, реминисценции как результат заимствования автором порождаемого текста мотива, образа, стилистического приёма и др., тексты-вкрапления, известный образ, фраза, фразеологическая единица (ФЕ) [см.: 105] и пр. Применение прецедентного текста (ПТ) при порождении текста автором обуславливает наличие интертекстуальных связей, которые обогащают смысл авторского текста, создают предпосылки рефлексии адресата по поводу описываемых в тексте явлений, событий и фактов. При этом текст воспринимается адресатом не как

единообразное смысловое пространство, а как многосмысловое единство, т. е. как своеобразный гипертекст.

Мы остановимся на использовании фразеологических единиц и паремий как прецедентных текстов в современном публицистическом тексте (на материале газетного и журнального текстов), способствующих не только созданию экспрессии, но и его интертекстуальности. Следует отметить тот факт, что публицистический текст анализируется нами как текст, отражающий реалии российской действительности и окружающего мира, не предполагающий художественного вымысла, как текст, для которого интертекстуальность является характерной чертой.

Прецедентный текст – это готовый образ, известная фраза или фразеологическая единица, фразы из известных текстов. Но при их отборе адресантом для включения в порождаемый текст должны учитываться общие фоновые знания адресанта и адресата, поэтому прецедентные тексты должны быть известными, знакомыми адресату.

Одним из актуальных видов прецедентного текста в современных газетных и журнальных текстах являются ФЕ и паремии. Продемонстрируем сказанное лингвостилистическим анализом конкретных газетных и журнальных текстов. По нашим наблюдениям за использованием ПТ в печатном публицистическом тексте, ФЕ и паремии как прецедентные тексты часто используются в заголовках, привлекая внимание адресата к тексту с помощью возникающих в его сознании разноплановых ассоциаций, которые либо подтверждаются смыслом текста, либо противоречат ему неожиданным для адресата смыслом, приводящим его к рефлексии, оценкам описываемых явлений, возникновению эмоций. Например, использование в заголовке поговорки *держи карман шире* с просторечной окраской в значении «не надейся на что-либо; говорится в ответ на чью-либо просьбу, предположение, что желаемое осуществится» [33, с. 102]: «**Держи карман шире**»; предтекст: «С каждых 100 рублей зарплаты в бюджет де факто уходят 76,59 рубля налогов» (Огонёк. № 37. 21.09.15. С. 21). В этом тексте поговорка приобретает противоположный смысл «утечка денег из бюджета (кармана)». ПТ помогает адресанту одновременно экспрессивно и эвфемистично преподнести адресату факт сбора налога, представляющего собой немалую часть заработной платы граждан. ПТ используются как в неизменяемой форме, так и в трансформированной. Например, в этой же поговорке заменяется слово *шире*: заголовок «**Держи карман крепче!**», представляющий текст «В Италии наибольшую опасность для туристов представляют «ладри» – грабители на мотороллерах, срывающие сумочки с женских плеч. Осторожно следует гулять по Риму вечером. Воры-карманники способны вытаскивать бумажники из самых потаённых мест. ... В

Испании надо проявлять бдительность в аэропортах, где орудуют целые группы мошенников – в основном латиноамериканцев. <...> А в Андалусии процветает мелкое воровство. Кража часов, колец, запонок, фотоаппаратов – обычное дело. <...> Гуляя по Парижу, не кладите ценные вещи в задние карманы брюк, часто они пропадают вместе с карманами. Здесь почти нет «мотоворов», но попадаются ловкие «щипачи» из Алжира. Оказавшись в Праге, многие туристы расслабляются. <...> Однако и здесь есть свои зоны риска: Карлов мост, Вацлавская площадь, Старе-Место, собор св. Вита. Вас могут остановить двое мужчин, которые представятся полицейскими. Мошенники попросят показать деньги, мол, есть подозрения, что они фальшивые. Предъявив им свою наличность, вы потом не досчитаетесь половины» (Экспресс, 2004. С. 50). В этом тексте наблюдается де-метафоризация смысла поговорки, а прецедентный текст позволяет автору сконцентрировать внимание адресата на порождаемом им смысле, важном для него: дать информацию туристам, предупредив о возможности, что у них украдут деньги, ценные вещи, что может испортить отдых. Адресат, заинтригованный заголовком статьи, получает важную информацию о возможной краже денег и других ценностей в разных странах и имплицитно подвергается эмоциональному воздействию, что подвигнет его придерживаться осторожного поведения в чужой стране. По сути, ПТ играет манипулятивную функцию в отношении адресата.

В заголовке может использоваться паремия, в которой заменён лексический компонент: «**Рыбное** место пусто не бывает». Предтекст: «Говорят, что руководство Росрыболовства сменили, чтобы вернуть отечественную рыбу на наши прилавки» (АиФ. №4. 22–28.01.2014. С. 4). ПТ является известная поговорка **Свято** место пусто не бывает в значении «всегда найдётся кто-либо, кто займёт освободившееся место» [33, с. 293].

Иногда адресант публицистического текста выносит в заголовок известную фразу (ФЕ, паремия), произнесённую героем текста, не только интригуя адресата, но и акцентируя его внимание на смысле. Например, заголовок «**Пора менять ослов на переправе**». Предтекст: «...Вице-премьер Ольга Голодец сама признала, что под её чутким руководством «социалкой» в стране стало более 20 млн. бедных. Нормы потребления продуктов питания ВОЗ в богатейшей пшеницами стране мира выполняются в лучшем случае наполовину из-за отсутствия денег в карманах населения. И это на фоне увеличения налогов и прочих поборов с людей и сельских производителей. «Что есть будем? – вот главный вопрос, который «АН» задали директору совхоза им. Ленина Павлу Груднину».

Интервью: *Министры живут в каком-то своём параллельном мире. Президент сказал – будет два года тяжело, потом легче станет. И прави-*

тельство успокоилось, сидит и ничего не делает, ждёт – когда легче станет. Тянут время. Антикризисную программу пишут, а кризис уже летальным исходом нахнет. Не можешь написать программу – напиши заявление об уходе по собственному желанию. Чем дольше они будут рулить нашей страной, тем хуже для страны и всех нас.

– А что, придут лучшие?

– Не уверен. Но что-то делать надо. Покойный генерал Лебедь сказал: **«Коней на переправе не меняют. Но ослов нужно и должно менять»**. В стране есть люди, которые реально что-то уже в своей жизни сделали» (Аргументы недели. № 9. 11–16.03.2016. С. 3). В тексте использована поговорка *Коней на переправе не меняют* [20, с. 224], представляющая собой этимологически перевод английской поговорки, которую произнес президент США Авраам Линкольн, когда избирался на второй президентский срок: *Never swap horses crossing a stream* – «в решающий для дела момент не меняют ни планы, ни людей». В интервью поговорка расширяется по смыслу и структуре в речи героя, оформляясь в самостоятельный текст в тексте, передающий недовольство как конкретного лица, так и адресанта текста бездействием правительства по поводу разработки антикризисной продовольственной программы, эксплицируя неодобрительную, отрицательную оценку этому бездействию. Благодаря использованию лексемы *осёл*, содержащей семы *«тупость»*, *«упрямство»*, отрицательная оценка усиливается, демонстрируя совпадение оценок героя текста и адресанта, и в целом создаётся отрицательная оценка действий конкретных лиц, названных в тексте, и бездействия правительства в отношении разработки антикризисной программы в России в 2016 г.

В современных газетном и журнальном текстах активно используются крылатые выражения или строки из текстов, ставшие крылатыми выражениями. Например, заголовок **«Под крышей дома своего»**; предтекст: *«Татьяну Силантьеву в Володарском районе Нижегородской области, как впрочем и в соседних районах, каждая собака знает. В прямом смысле этого слова. Уже почти два года собаки или кошки, которые стали не нужны своим хозяевам, находят у неё временное прибежище, а некоторые и постоянный приют. Текст: Долго искать нужный дом нам не пришлось – собачий лай окружал всю округу. Сейчас здесь 8 собак и столько же кошек. Большинство для семьи стали родными, остальным ищут новых хозяев и жильё»* (МК. 03–10.02.2016. С. 20). **Фото собаки**. Подзаголовок: *«60 бездомных собак и кошек пристроила за год волонтер Татьяна Силантьева»*. В заголовке текста использована цитата *«Над крышей дома своего»* из второго куплета песни *«Крыша дома твоего»* (сл. М. Пляцковского, муз. Ю. Антонова): *«Вмиг огорчения любые // Исчезнут все до одного, // Лишь вспомнишь звёзды го-*

лубые // Над крышей дома своего» [31, с. 413–414]. В тексте употребляется ПТ – просторечная ФЕ с пренебрежительной, шутливой окраской *каждая собака знает* в значении «каждый, всякий знает что-либо» [106, с. 503], подвергшаяся демегафоризации значения, развёрнутого в тексте. Наложение метафорического и прямого значений фразы из песни и ФЕ позволяет адресанту текста уточнить смыслы и эмоционально воздействовать на восприятие смысла текста адресатом, сознание которого внезапно переключается с образного, ирреального на реальное.

Таким образом, ФЕ и паремии как прецедентные тексты в заголовках газетных и журнальных текстов выполняют экспрессивную функцию и функцию акцентирования внимания адресата, свойственные публицистическому тексту, но как текст в тексте они расширяют смысл публицистического текста, насыщая его дополнительными ассоциативными связями с другими текстами, явлениями, фактами. В целом, они погружают адресата в контекст русской культуры, в историю языка, в мир национальной русской самобытности.

Бойцова О.Ю.

*доктор политических наук, профессор,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: О СПЕЦИФИКЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ В ПОЛИТОЛОГИИ

Интерес к тексту как способу фиксации и передачи смысла в знаковой форме в конце XX столетия стал важнейшей доминантой в сфере гуманитарных исследований. Многообразие ракурсов и методологических подходов не только способствовало укреплению междисциплинарных связей, но и стимулировало развитие текстологии, в том числе и политической текстологии как самостоятельной отрасли знания [см., например: 3; 80; 153]. К числу важнейших тем, определивших топографию проблемного поля анализа текстов, безусловно, следует отнести такие вопросы, как суть авторства, соотношение текста и языка, специфика внутренней организации информации, роль социальной реальности и культурного контекста в создании текста и его восприятии.

Акцент на символическом характере элементов и упорядоченности их взаимосвязи позволил предельно расширить понимание сущности текста и распространить текстологическую оптику на объяснение социальной реальности в целом. В результате появились такие направления

исследований, как семиотика и философия текста, разрабатывающие подход к культуре как к специфическому тексту и включающие в понятие текста любые структурированные последовательности символов [см., например: 57; 87]. При таком подходе в качестве политического текста могут выступать как вербальные, так и невербальные объекты, причём не обязательно специфицированные, например, визуальная реклама или архитектура.

Внимание к тому, что текст и как смысловая целостность, полученная благодаря определённым способу выстраивания связной последовательности, и как носитель значимой информации, ставящий её содержание в зависимость от выбора средств трансляции и принципов интерпретации, обладает значительной нормативной силой, привело к констатации политического измерения текста. Такая постановка вопроса, в значительной мере определившая исследовательскую программу целого ряда дисциплин (например, лингвополитологии, семиотики политического дискурса, политической коммуникативистики и др.) существенно размыла границы «политического текста». При данной оптике под ним приходится понимать не произведение, для которого «характерна прямая или косвенная ориентированность на вопросы распределения и использования политической власти, на поддержку каких-то политических сил или на борьбу с ними» [115, с. 38], и даже не «такой текст, в котором речь идет об *актуальных политических* проблемах и который обращен к *массовой аудитории*...» [3, с. 11], но и любое повествование, построенное по жестким правилам языка и в силу этого обладающее свойством директивности.

Но даже если оставить в стороне расширительную трактовку и сфокусировать внимание на текстах, представляющих собой фиксацию мысли в языковой форме и непосредственно функционирующих в политической сфере, всё же придётся признать, что определение «политический» и в этом случае не абсолютно, а ситуативно. Прежде всего, «работающие» в политике повествования – официальные документы, исторические памятники, литературные сочинения, произведения пропагандистского характера и др. – весьма многообразны, они различаются по целям, происхождению, направленности, эмоциональной нагруженности. Общим у них является степень социальной значимости, позволяющая использовать их в политических целях. Именно поэтому политическое звучание могут приобретать и утрачивать различные по жанру тексты: и философские трактаты, и утопические романы, и поэтические откровения, и даже путевые очерки. Отечественная мысль, как, впрочем, и зарубежная, даёт нам множество примеров, подтверждающих это. Для отнесения к числу политических произведений принципиально важна встроенность повествования в социаль-

но-политический контекст: отражение в нём реальности, с одной стороны, и возможность соотнесения с действительностью путем интерпретации заключенного в нем содержания, с другой.

Таким образом, если бы необходимо было определить рамки корпуса политических текстов, то наиболее корректным представлением о нём могло бы служить открытое множество, в которое входят произведения самых различных жанров, не совпадающие по тематике и читательской аудитории, принципам авторства и степени достоверности. «Входным билетом» в это множество служит способность текста выполнять социально значимые функции: служить инструментом отражения и оценки политических реалий, выражать и/или маскировать политические интересы, служить арсеналом идей в политических дискуссиях etc. Утрачивая такую способность, текст (даже предельно «политический» по тематике) перестает быть актуально политическим и покидает данный корпус¹, хотя и сохраняет возможность возвращения в него при новом витке интереса к заключенной в нём информации.

В общем спектре политических произведений особое место принадлежит научным текстам, которые представляют собой объективизацию результатов исследований, проведённых в рамках проблемного поля политологии. Как известно, в научной сфере тексты подвергаются самой строгой регламентации как в содержательном, так и в формальном отношении. Прежде всего это касается способа фиксации исследуемых объектов: в научном языке обыденные слова, которые выполняют номинативную функцию в естественном языке, преобразуются в термины – конвенциональные образования, имеющие жёстко закреплённое значение. Это выступает одним из показателей развитого абстрактного мышления, которое в стремлении отобразить существенные характеристики изучаемого объекта и закономерности его возникновения и функционирования, а также представить полученные знания в виде стройной и непротиворечивой системы аргументов выделяет значимые признаки и мысленно объединяет их в логические понятия. Поскольку понятия употребляются в едином, универсальном, смысле, постольку опора на них позволяет добиться единой интерпретации результатов познания и представления их в дедуктивно-системной форме. Начиная с XIX в., достижение такой точности было четко

¹ Следует подчеркнуть, что это относится и к памятникам мысли: исторические тексты сохраняют статус политических не только, да и не столько в силу тематической принадлежности к проблемному полю политических исследований, сколько благодаря включенности в современный политический дискурс, важнейшие векторы которого так или иначе отталкиваются от изложенных в них идей. При этом адекватное восприятие и корректная оценка этих идей невозможны без соотнесения конкретного произведения с тем социально-культурным контекстом, в котором оно было создано [см., например: 6; 80; 153].

осознаваемой целью всех научных дисциплин, в том числе и политологии, а наличие строгого понятийного аппарата служило индикатором научности той или иной отрасли знания.

Сложность заключается в том, что в социальном знании достичь абсолютной универсальности понятий практически невозможно. Прежде всего, это обусловлено тем, что в этой сфере в качестве терминов чаще всего используются слова естественного языка. А эти слова содержат различные смыслы, порожденные исторически сформированными представлениями, причем зачастую информация передается в метафорическом нерасчлененном виде, и только специальные исследования позволяют достичь некоторой определенности в выделении и фиксации базовых значений¹. Именно полисемантность позволяет словам вступать друг с другом в синонимические связи (как устойчивые, так и мимолетные), впитывая «чужие» смыслы и транслируя свои.

Тексты, построенные при помощи таких слов, также оказываются полисемантными. Многие исследователи настаивают на неизбежности смысловых пересечений, объясняя их самой природой «означивания», процесса фиксации значений и их трансляции. Так, по мнению Ю. Кристевой, в основе любой передаваемой в тексте информации лежит «бесконечная, существующая сама по себе множественность <...> и в этом множестве нет никакого ориентира, никакого указателя...» [42, с. 297]. Поэтому комбинаторика смыслов – неустрашимый атрибут любого текста, возникающего в культуре.

Что же касается политического текста, то его полисемантность подерживается и воспроизводится с особой интенсивностью. Поскольку политические тексты теснейшим образом сопряжены с актуальными социально-политическими процессами, постольку в словах, используемых для фиксации политических реалий, т. е. уже в самом «строительном материале» политического текста, в его «кирпичиках», всегда сохраняется наследие полисемантизма естественного языка, препятствующее формализации. Вопреки аналитическим усилиям, направленным на выработку строгих универсальных понятий, лексика, используемая в политической жизни, остается главным источником расширения и трансформации терминологии политической науки. К тому же в процессе коммуникации (особенно межъязыковой и межкультурной) уже вошедшие в научный обиход слова

¹ Метафоричность политического языка — известный факт, неоднократно анализировавшийся учеными. Многие исследователи отмечают, что именно метафора является базовой ментальной операцией человеческого сознания, основным способом оценки и объяснения мира политического, и присутствует не только в быденном языке, но и в научном тексте [см.: 49; 80; 115].

обогащаются новыми смыслами, вбирают в себя различные оттенки, сопряженные с другими акцентами в трактовке и иными социальными практиками. В содержательном отношении эти слова могут сливаться, пересекаться, конфликтовать, что постоянно воспроизводит понятийную нечеткость, с одной стороны, и порождает вариативность вербальных выражений одного и того же смысла, с другой.

Может показаться, что решением проблемы стала бы выработка специального научного языка на основе конвенциональных, искусственно созданных лексем. Однако и в этом случае цель оказывается практически недостижимой: сосуществование различных версий теоретического осмысления объекта точно так же, как и произвольная социальная коммуникация, порождает аккумуляцию смыслов, размывающее универсализм.

В дополнение к сказанному важно также подчеркнуть, что политическое знание существует в принципиально ангажированном контексте, который и создается, и трансформируется в непосредственной связи с осознанием и защитой определенных социальных интересов. Это придает используемым словам свойство «сущностной оспариваемости» (essential contestability), в силу чего они «не допускают не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной, непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколь-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значений слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса и контекстами» [34, с. 22]. Поэтому в случае политического повествования вопросы о том, для какой аудитории важен данный текст и какую функцию он выполняет, имеют первостепенное значение, независимо от того, придана ли тексту эта функция автором целенаправленно или выполняется в сложившейся ситуации, «по факту».

Сказанное выше позволяет показать, почему базовым инструментом научного политического текста, как правило, выступает не логически строгое понятие, а концепт. В отличие от логического понятия, концепт фиксирует не совокупность признаков, а смыслы, соотносимые с предметом мысли, и потому принципиально коммуникативен, дискуссионен, многомерен и ценностно нагружен. Подобно словам естественного языка, концепты многослойны, они содержат множество различных смысловых оттенков, накопившиеся за то время, пока люди разных культур пытались понять и объяснить данный предмет, а также различные варианты толкования этих смыслов и попытки их комбинирования. Содержание концептов, исполь-

зованных для построения конкретного научного политического текста, не имеет универсального значения: оно зависит от того, какие именно грани высвечиваются в данном случае. А это, в свою очередь, определяется позицией автора (ценностной, мировоззренческой, политической, научной и др.) – тем, каким авторитетам он доверяет и на какие традиции опирается¹. При этом ни один из вариантов не может претендовать на эксклюзивную роль исчерпывающего представления смыслового содержания концепта.

В то же время, в отличие от слов естественного языка, концепт служит основой теоретической формы познания и является результатом рациональной «инвентаризации» смыслов. В рамках конкретной теоретической конструкции, зафиксированной в научном политическом тексте, он может приобретать понятийный характер: это происходит, когда с ним связывается строго определенное содержание, сохраняющееся на протяжении всего изложения. О научности такого текста позволяет говорить то обстоятельство, что при всей своей открытости для интерпретаций он фиксирует существенные характеристики и закономерности объектов в выбранном ракурсе.

Однако следует помнить, что содержательная точность здесь не универсальна, поскольку все остальные смыслы, «не задействованные» в данном конкретном случае, не исчезают, а сохраняются в широком смысловом пространстве текста. Их актуализация способна придать одному и тому же тексту различное звучание в разных ситуациях. Именно поэтому в политической науке практически нет вопросов, решенных раз и навсегда: конкурентные объяснительные схемы и теоретические конструкты не уходят в небытие, оставляя познавательные инструменты и принципы на милость торжествующего победителя, а остаются в пространстве дискуссий. Они то уходят на задний план и формируют фоновый контекст критики, то предельно активизируются и вновь приобретают популярность.

Поэтому в рамках политической науки столь важна целенаправленная работа с текстами, свидетельством чему является растущая востребованность политической текстологии. Нельзя не упомянуть и о роли истории социально-политической мысли, дисциплины, предлагающей внимательное «вслушивание в разговор между величайшими умами» [122, с. 315], которое обеспечивает доступ к богатейшему арсеналу моделей решения по-

¹ Жёсткое соотнесение автора и текста — далеко не очевидный принцип. Восприятие текста в качестве смыслового и стилистического единства, в основе которого лежит определенное мировоззрение его автора, окончательно сформировалось лишь в XVIII в. [см.: 6; 80]. С тех пор необходимость в историко-аналитическом изучении текста, его дешифровке и реконструкции с учетом авторства и контекстности, хотя и оспаривается некоторыми современными теориями, все же служит важнейшим стимулом развития текстологических исследований [см.: 80; 153].

литических проблем — моделей, обладающих разработанным инструментарием и для защиты, и для критики, и в силу этого способных значительно усилить действенность политических текстов, создаваемых сегодня.

Шириняц А.А.

*доктор политических наук, профессор,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Сегодня я представляю кафедру истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Нашему университету 262 года, факультету политологии – почти 9 лет, а кафедре, которой я руковожу, исполнилось 46 лет... Мы изучаем историю мысли, поэтому главными задачами нашей научной деятельности можно признать сохранение исторической памяти, возвращение забытых имен, публикацию и републикацию важнейших социально-политических текстов, созданных мыслителями прошлого.

И в этом отношении у нас есть определенные достижения. Достаточно сказать, что только с 2010 по 2016 гг. вышло в свет более 60-ти объёмных книг (в том числе 21 с грифом Минобрнауки РФ и УМО по политологии). Например, в рамках проекта «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века» за два года мы подготовили шесть объёмных томов (около 4500 страниц) избранных сочинений русских мыслителей XIX в. – К.С. и И.С. Аксаковых, М.А. Бакунина, Н.М. Карамзина, П.А. Кропоткина, М.П. Погодина, С.П. Шевырева [1; 11; 35; 43; 79; 118]. Они вышли в свет в 2010 г. в серии «Русская социально-политическая мысль», которая выходит с 1995 г. и на сегодняшний день включает 22 книги. За последние пять лет были изданы пять книг, в том числе о К.С. Аксакове, М.А. Бакунине, П.И. Новгородцеве [88; 89]. В серии «Библиотека факультета политологии», выходящей в издательстве Московского университета, в 2011–2012 гг. были опубликованы три тома хрестоматии по истории русской социально-политической мысли [90; 91; 92], а потом еще пять книг наших профессоров и доцентов [10; 37; 38; 85; 19]. Особый проект, реализуемый под эгидой Российского общества политологов совместно с Российским государственным архивом социально-политической истории, – это серия документальных публикаций, получивших благожелательные отзывы ученых и признание общественности [74; 86; 98]. Книга этой серии «Отечество в Ве-

ликой войне 1941–1945 г. Образы и тексты» стала победителем Всероссийского конкурса «Просвещение через книгу» за 2016 г. в номинации «Лучшая духовно-патриотическая книга». В 2014 г. большой общественный резонанс вызвала антология «Русский вопрос в истории политики и мысли» [69], в работе над которой приняли участие три сотрудника кафедры. Эту книгу Ученый совет нашего факультета выдвинул на соискание премии «Наследие русской мысли» имени Н.А. Бердяева, а «близкий Кремлю фонд» ИСЭПИ присудил эту премию нам с А.Ю. Шутовым. Спустя год «Бердяевскую премию» за исследование «Консерватизм в России и формирование системы консервативных ценностей в русской социально-политической мысли первой половины XIX века» получил ассистент кафедры, кандидат политических наук А.А. Горохов [27; 26]. И, наконец, совсем недавно, в конце 2015 г., было начато издание фундаментальной антологии русской консервативной мысли «Хранители России». Четыре первых тома [107; 108; 109; 110] уже доступны читателям, ведётся работа над следующими томами.

В связи с такой деятельностью несколько лет назад мы не могли не прийти к необходимости разработки политической текстологии как науки и учебной дисциплины. Некоторые результаты такого обсуждения представлены в публикациях [4; 5]. Мы исходили из того, что политическая текстология – это прикладная политологическая дисциплина, изучающая приемы поиска и обработки информации, правила создания оригинальных социально-политических текстов, приемы и методы анализа текстов уже созданных социально-политических произведений (теоретико-аналитических, публицистических, программных) в целях их критики (рецензии) и издания (публикации, републикации). Сначала идея обсуждалась кулуарно. Затем, когда Московский университет получил право на разработку собственных образовательных стандартов, позиционирующихся не ниже уровня общероссийских и отличающихся «инновационностью», с подачи нашего декана А.Ю. Шутова политическая текстология стала частью особого профиля «История социально-политических учений и политическая текстология». Так, в 2010 г. в профессиональные компетенции политолога были включены «способность к осуществлению профессиональной научно-исследовательской деятельности в области истории зарубежных и отечественных социально-политических учений, политической текстологии (ПК-4); владение навыками анализа политических и политологических текстов, способность анализировать фактическую информацию (в том числе представленную в количественной форме) в соответствии с поставленными задачами (ПК-16); способность к осуществлению политико-коммуникативной деятельности, навыки работы с различными аудиториями и группами общественности, создания публицистических текстов по политической тематике (ПК-24)» [72].

После введения в 2011 г. нового университетского образовательного стандарта по направлению «Политология» кафедра истории социально-политических учений начала подготовку бакалавров по профилю «История социально-политических учений и политическая текстология» и подготовку магистров по программе одноименного научно-исследовательского профиля. В учебный процесс, наряду с курсами по истории социально-политических учений, включены учебные курсы «Введение в политическую текстологию», «Проблемы источниковедения в курсе истории социально-политических учений России» (проф. С.В. Перевезенцев), «Политическая текстология: теория, методология, методика» (проф. И.А. Козиков), «Методология и методика историко-политологического исследования», «Политическая текстология: История социально-политических учений России» (проф. А.А. Ширинянц), «Источниковедение истории социально-политических учений Нового и Новейшего времени» (доц. К.М. Андерсон); «Академический текст: анализ и обработка», «Политическая текстология: История социально-политических учений зарубежных стран» (доц. А.В. Мырикова), «Русская социально-политическая мысль конца XIX – первой половины XX вв.: источники и историография», «Социально-политические идеи в русской художественной литературе XIX века», «Социально-политические идеи в современной русской художественной литературе» (доц. Б.А. Прокудин), «Тексты и смысл гегелевской „Философии права“» (ст. пр. А.А. Зоткин); «Источниковедение политического текста» (ст. науч. сотр. В.П. Богданов) и др.

Помимо общих вопросов, касающихся развития текстологии как науки, предмета и задач политической текстологии, её места в системе политологического знания, студенты получают представление о политическом тексте, его разновидностях, методах работы и приемах обработки классических и современных политических текстов. Особое внимание в учебных курсах уделяется методике подготовки оригинальных политических текстов.

По политической текстологии пишутся курсовые и выпускные квалификационные работы, магистерские и кандидатские диссертации — одним из запоминающихся событий выпуска 2011 г. стала блестящая защита А.И. Волошиным дипломной работы на тему «Семиотический анализ как метод повышения коммуникативной эффективности политического текста», которая к 2014 г. стараниями автора перешла в не менее блестящую диссертацию «Политическая текстосфера как предмет политической текстологии».

Традиционной и ожидаемой многими специалистами стала проводимая кафедрой и факультетом международная конференция «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». В 2011 г. в двухтомном сборнике по итогам конференции, вышедшем в издательстве РОССПЭН,

были опубликованы статьи 84-х докторов и кандидатов наук, 67-ми профессоров и доцентов, а также 55 студентов и аспирантов, представляющих 57 вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья – Австрии, Белоруссии, Германии, Казахстана, Молдовы, Польши, Турции, Украины, Японии [120]. В 2013 г. в работе форума приняло участие более 150-ти исследователей из России, Германии, Австрии, Польши, Украины, Молдовы, Казахстана [121]. В 2015 г. доклады на конференции подготовили ведущие учёные зарубежных стран и России, а также молодые исследователи. Всего для участия в конференции было подано более 120-ти заявок представителей 29-ти научных и образовательных учреждений 9-ти стран [124]. 27 мая 2016 г. на факультете политологии состоялась международная научная конференция «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: проблемы становления» [125].

По сути, эти конференции являются научным форумом, который способствует определению перспектив развития истории социально-политических учений и политической текстологии как научных и учебных политологических дисциплин в России и в мире. Этот форум объединяет как российских, так и зарубежных исследователей истории и теории политических идей и учений, теории и практики политической текстологии, что позволяет ученым выявить магистральные темы исследований, новые подходы и методы в этих науках.

Конечно же, мы в начале пути. Требуется уточнения предметное поле политической текстологии. Нужно отграничить её от филологической или исторической текстологии, определить наиболее эффективные методы и приемы текстологического анализа в области политологии и т. д. Требуется уточнения и методическая составляющая политической текстологии, по крайней мере, в определении ее главных задач и функций, каковыми, на мой взгляд, являются поиск текстовой информации (т. е. аутентичного запросу текста), прочтение текста (т. е. извлечение понятной и достоверной информации из найденного аутентичного текста), объяснение текста (истолкование его социально-политических, духовных смыслов и культурно-исторического контекста), как основа для создания нового оригинального текста. Эти задачи и функции вполне соотносятся со спецификой работы политолога, суть которой, в конечном счете, сводится к умению работать с текстами. Политическая текстология и призвана помочь найти текст, прочесть его, понять, объяснить, создать новый текст.

Гуторов В.А.

*доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Российская Федерация)*

О ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТАХ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Современной политической текстологии свойственна тенденция, являющаяся примечательной характеристикой всех научных дисциплин, завершающих период становления. Она проявляется не только в стремлении к чётким определениям основных понятий, но, прежде всего, к формированию единой понятийной системы, основу которой составляют такие взаимосвязанные категории, как *текст* и *дискурс* [4; 5]. Речь, конечно, идет в первую очередь о письменных текстах. Как справедливо отмечает Х.Д. Уиддоусон, «текст разговорного общения может обладать только непосредственным дискурсивным эффектом и по своей природе является мимолетным и частичным. Все эти черты неизбежно исчезают при записи. Мы вполне можем называть это парадоксом неисправимой субъективности» [156, р. 10]. Тем не менее, по его же собственному признанию, «письменный текст, как отличный от записанной транскрипции речевого текста, создает гораздо большие проблемы для интерпретации <...> Пишущий предписывает дискурс для воображаемого читателя, который может сильно отличаться от реальных читателей, извлекающих свой собственный дискурс из данного текста <...> Это является непосредственным следствием дискурса, воспринимаемого как социальное действие. Вы читаете в моем тексте именно свой собственный дискурс. Вы можете только интерпретировать его, соотнося его со своей реальностью» [156, р. 11–13]. Именно по этой причине определения текста и дискурса исключительно в лингвистическом плане, как языковых конструкций, «стоящих над предложением», выглядят неудовлетворительными и ложными: «текст является эпифеноменом, он существует как симптом прагматического намерения» [156, р. 11–13; ср.: 152, р. IX; 138].

В современных общественных науках такая прагматическая направленность анализа текстов (*textual analysis*) является доминирующей и широко представлена как в фундаментальных исследованиях, так и в учебниках и элементарных справочниках. «Текстовый анализ, – отмечает, например, А. Мак-Ки, – является для исследователей способом собирать информацию о том, как человеческие существа воспринимают мир. Это методология – процесс сбора данных – для тех исследователей, которые желают понять способы, с помощью которых представители различных культур и субкультур осознают, кто

они такие и как они вписываются в мир, в котором живут. Текстовый анализ полезен для исследователей, работающих в таких областях, как культурология, анализ медиа и массовых коммуникаций и, возможно, даже социология и философия» [147, р. 1]. Соответственно, дискурсы определяются как «систематически организованные структуры утверждений, в которых выражаются значения и ценности [того или иного] института <...> Пишущие и читатели конституированы дискурсами, которые для них доступны <...> Авторы являются писателями, которые „владеют своими собственными текстами”, но это не делает их в меньшей степени сконструированными дискурсивно. Тексты конструируют „читательские позиции” для самих читателей, то есть они предполагают, какие именно идеологические конструкции являются для читателей наиболее приемлемыми для того, чтобы в них вникнуть» [138, р. 7].

Разумеется, политологи, специализирующиеся в области исследования политических текстов, стремятся, как правило, соотносить наиболее распространённые общие определения дискурсов со специфическими значениями политических дискурсов [4; 5].

Вместе с тем, как справедливо заметил Ричард Ларсон, «в определённом смысле, любой дискурс (словесный или письменный) является аргументацией. Когда мы говорим или пишем <...> мы стремимся привлечь внимание к тому, что мы говорим. Поскольку обычно обращают внимание на дискурс, который слушатели или читатели считают достойным [их] интереса, мы стремимся подвести нашу аудиторию к тому, чтобы она поверила в то, что всё, о чём мы говорим, является оправданным <...> Короче, он или она втягиваются в спор <...> Ситуация призывает к *аргументу*, если то, что пишущий станет утверждать, ставится *под сомнение*. Если читатели нейтральны и от них нельзя ожидать, что они поверят незамедлительно и безоговорочно в то, о чем говорится <...> тогда на помощь призываются аргументы. Именно об аргументации в этом смысле, т. е. в том смысле, в котором ее воспринимали Аристотель и Цицерон, Джин Фэнсток и Мэри Секор, пишут в работе *Риторика аргументации*. В этом смысле аргументация пронизывает нашу жизнь» [145, р. VII–VIII; см. 141].

Риторический элемент текстологии предопределен самим характером интерпретации, который в свое время был хорошо выявлен Н. Луманом. Проблема состоит в том, что с возникновением письменности радикально изменяется характер коммуникации. «...Письменность делает много большее, чем то может показаться на первый взгляд. Прежде всего, она делает много больше, чем сообщается через саму письменность <...> Читатель имеет дело с процессом сообщения в редуцированной форме – с текстом. Зачастую создание текста занимает длительные пространственные и временные промежутки. В силу этого утрачивается интерес к конкретным мо-

тивам сообщения (кто будет спрашивать, почему Фома Аквинский написал свои „Суммы”, и какой прок в знании этого?), а вместо этого открываются свободные пространства интерпретации, которые могут заполняться самым различным образом» [61, с. 82, 83]. Освободившееся пространство, в зависимости от стечения исторических обстоятельств, общей культурной ситуации, сложившихся норм и традиций логической аргументации, могут заполнять философские интерпретации, научные реконструкции и прогнозы или же их многообразные комбинации с вкраплением личных амбиций, профетических установок и эсхатологических ожиданий.

«Риторический момент» как неизменный спутник идеологизации научной интерпретации представлен в наше время практически в любом научном жанре – от индивидуальных статей и монографий до диссертаций и антологий политических текстов самого разнообразного содержания. Возможно ли в чисто научном плане рассуждать об аристотелевском либерализме на основе анализа текстов «Политики» и «Никомаховой этики» [151]? В чем именно состоят исторические особенности «аристократического либерализма» как комплекса идей, постоянно приписываемых Алексису де Токвилю, и как соотносится токвилевский аристократический либерализм с представлением о нём как о первом «неолиберале», «social scientist» и проч. [137; 142]? Возможны ли вполне беспристрастные суждения при сравнении представлений о революции Токвиля и Маркса, особенно учитывая крайне неприязненное отношение последнего к первому [155]?

Риторический мотив, предполагающий ценностный выбор, может быть изначально запрограммирован в самих названиях научных трудов [см.: 143; 150] или в авторских тестах, посвящённых сравнительному анализу взглядов политических мыслителей, которые едва ли совместимы, кроме как в виртуальном научном и философско-политическом пространстве. Только там, например, возможны сопоставления текстов «Государства» Платона и токвилевской «Демократии в Америке», аристотелевских политических текстов с конфуцианскими и т. д. [133; 149; 154].

Два аспекта интерпретации текстов, в которых риторика так или иначе проявляет себя, – идеологический и научный – постоянно пересекаются в виртуальном интеллектуальном пространстве и нередко опосредуются политическими и культурными традициями, в рамках которых возникают и функционируют гуманитарные дискурсы с их постоянно изменяющимися конфигурациями, идеологическими (в самом широком смысле), политическими, эстетическими и культурологическими векторами. Постмодернизм, получивший широкое распространение в философии и гуманитарных науках со второй половины XX в., до предела обострил коллизии, связанные с проблемой научной интерпретации текстов [144]. Современная риторика и

накал научных страстей оборачиваются «риторикой иронии» [135] и нередко выглядят на порядки ниже, например, формулы Джона Уиклифа «Non est finis potencie sic glosantis» («Нет предела могущества такого превратного истолкования»), из которой возникли и сама уиклификанская ересь и движение лоллардов. Именно Уиклиф задолго до М. Лютера соединил принцип власти с принципом интерпретации, предприняв воистину титанические усилия, направленные на избавление текста Священного писания от казавшихся ему ложными комментариев. Тем самым он «выдвинул избавленный от глосс библейский текст в центр академической и народной политики. Такой жест в равной степени предполагал и заключал в себе всевозможные виды поразительного радикализма. По преимуществу он выдвигал на передний план идею исправления: Библия должна быть очищена от дискурса превратного комментирования. Для Уиклифа это означало в первую очередь избавление и от академических традиций и Церкви, и от институционализированных в них герменевтических практик» [139, р. 1].

В XX в. на новом витке исторической спирали аналогичная история была почти буквально воспроизведена (правда, без каких-либо особых драматических обстоятельств и трагических последствий) в деятельности Луи Альтюссера и его группы сторонников «структуралистского марксизма», стремившихся на основе структуралистской интерпретации текста «Капитала» К. Маркса к радикальному пересмотру всей марксистской традиции. Результатом этих попыток стали рождение «ереси еврокоммунизма» в 1970-е гг. и последовавший вскоре крах западноевропейского коммунистического движения [131; 132; 134].

На наш взгляд, характер «ревизионистской» деятельности Уиклифа и Альтюссера и её исторических последствий выходит далеко за рамки плоского «исторического параллелизма» и свидетельствует о поразительной устойчивости дискурсивных практик, постоянно оказывающих воздействие на эволюцию европейской и мировой политической культуры.

Халикова Н.В.

*доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация)*

КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИХ ОТНОШЕНИИ К КАТЕГОРИЯМ ЯЗЫКА

При лингвоцентрическом подходе (от языка – к тексту, от формы к содержанию) изучаются функции языковых единиц и категорий в условиях

художественного текста для выявления идиостилевых признаков. Зная, например, способы выражения функционально-семантической категории *локативности*, можно проанализировать интерьер, пейзаж произведения. При текстоцентрическом подходе (от текста произведения – к языку, от содержания к форме) мы переходим на новый уровень понимания и самого художественного текста, и языка, на котором он написан, – с его собственными категориями и единицами¹. И вопрос заключается в том, какие категории отличают именно художественный текст от всех остальных на уровне генерализующего функционального признака – стиля? Определяется ли *художественность* прежде всего изобразительностью и выразительностью? Нет, так как за экспрессивной формой описания находятся более глобальные категории – «образ автора», *авторереферентность* (термин Л.О. Чернейко [111]). «Я сижу в комнате и вижу эту комнату; но разве видеть комнату уже не значит говорить о ней с собой? <...> Скажу ли я кровать, окно, назову ли какой-нибудь цвет – я уже начал расчленять то континуальное целое, что находится передо мною» [12, с. 242].

Признаками лучше называть явления *художественной речи*. Например, образность, использование тропов, повышенная экспрессивность, алогичность, избыточность смысла, эмоциональность, наличие внутренней формы и др. – признаки *поэтической речи*.

Художественный текст, воспринимаемый нами как «некая структура вторичного типа на уровне художественной организации» [58, с. 47; ср.: 70], структурное целое, СФЕ, «текст вообще», единица мышления и коммуникации, по аналогии с предложением (высказыванием), – это не только последовательность знаков в промежутке между двумя внешними границами, но и структурное целое в аспекте парадигматики его единиц. Так, например, типы текста (регистры речи) – варианты одних и тех же инвариантных структур «текста вообще».

И если при лингвоцентрическом подходе текст необходимо разлагать на составные части, то при текстоцентрическом любая из его категорий определяет целостность текста – «презумпцию текстуальности», по Гаспарову².

Итак, какие существуют категориальные классификации, и что входит

¹ О четырех подходах к изучению художественного текста: лингвоцентрическому, текстоцентрическому, антропоцентрическому, когнитивному – см. у Л.Г. Бабенко [9, с. 13–25].

² О признаке целостности (любого текста): «Действие презумпции текстуальности состоит в том, что, осознав некий текст как целое, мы тем самым ищем его понимание как целого. Это «целое» может быть сколько угодно сложным и многосоставным <...> Идея целостности, вырастающая на основе презумпции текстуальности, проявляется лишь в том, что, какими бы разнообразными и разнородными ни были смыслы, возникающие в нашей мысли, они осознаются нами как смыслы, совместно относящиеся к данному тексту, а значит <...> имеющие какое-то отношение друг к другу в рамках этого текста» [23, с. 324].

в их ядро? Во множестве научных источников выделяют традиционно: а) две обязательных категории («Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [13, с. 406]); б) три категории: «Человек», «время», «пространство» [9; 130]; в) четыре категории – «времени, пространства, героя, события» [114, с. 7]; г) пять (к предшествующим четырем добавляется оценка) [76, с. 91]). В известной классификации Е.И. Дибровой [30] шесть инвариантных формально-содержательных сущностей, варьирование которых бесконечно разнообразно. Очень привлекательна категориальная «матрёшка» Л.А. Ноздриной из четырёх иерархических составляющих, каждая из которых усложняет статус предшествующей на одну категорию и опирается на языковые показатели: 1) ур. хронотопа; 2) ур. координат (добавляется субъектность (персональность)); 3) ур. дейксиса (добавляется референтность); 4) ур. точки зрения (добавляется модальность) [71, с. 41]. Как видим, совокупность признаков и категорий осознаётся не в виде каталога, а как система. Иерархический характер категориальных признаков надо признать, безусловно, существующим.

Предположим, что так же, как категории предложения обусловлены морфологическими средствами, категории художественного текста определяются признаками предложения и слова. Такие текстовые категории можно назвать *изоморфными* языку.

Итак, разделим категории на интегральные и дифференцирующие. Первые ни от чего не зависят и определяют саму идею художественности.

Неизоморфные языку классифицирующие категории, выделяемые по соотношению с отображаемой действительностью: 1) абстрактная категория «образа автора», лексически и грамматически объективируемая во всех остальных категориях; 2) автореферентность; 3) перцептивность; 4) образность (изобразительность и выразительность). Их совокупность создаёт ощущение целостности. Все они объединены, на наш взгляд, высказыванием – речевым актом сообщения *Автора* о бытии предмета (явления, события, ментальной сущности), образуют так называемый идейный (содержательный) уровень произведения и реализуются в концептуальных, образно-метафорических полях на уровне текста. Каждая последующая категория создает один из вариантов предшествующей. Например, от перцепции зависит реальная / ирреальная образность.

Подчинённые первым, выделяются изоморфные языку функционально-семантические категории, реализуемые в языке в виде функционально-семантических, лексико-семантических полей: 1) времени, 2) пространства, 3) персональности, 4) модальности, 5) оценочности и множества других, описанных в работах функциональной школы. Именно им принадлежит функция дифференциации текстов различных стилей и жанров.

Подытоживая, скажем, что мы не старались здесь решить вопрос о количестве интегральных и дифференциальных категорий художественного текста, но обозначили проблему их инвариантности, системности, иерархичности, способы объективного описания в языковом пространстве.

Симашко Т.В.

*доктор филологических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
филиал в г. Северодвинске
(163002, Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, Российская Федерация)*

ПЛОТНОСТЬ ТЕКСТА И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ С.В. МАКСИМОВА «ГОД НА СЕВЕРЕ»

Книга С.В. Максимова «Год на Севере», как известно, является результатом его экспедиции в Архангельскую губернию, куда он выехал в феврале 1856 г. по заданию морского ведомства так же, как отправились в этот год по русским просторам многие другие литераторы.

С.В. Максимов собрал огромный и разнообразный материал, отражающий жизнь и культуру северян, описал особенности хозяйства, природы – всё то, что в ту пору ещё мало было знакомо людям центральных регионов, в том числе и самому автору. Многие из того, что С.В. Максимов привёз из путешествия, особенно фольклорные и исторические произведения, вошло в другие его книги. До первого издания рассматриваемого текста он публиковал в различных журналах отдельные очерки, в том числе позднее ставшие частью этой будущей книги.

Изучая историю текстов, написанных С.В. Максимовым, сопоставляя различные публикации, М.И. Щербакова разделила его книги на завершённые и незавершённые. В ряду завершённых книг, т. е. тех, «в которых авторский замысел воплотился при жизни писателя и в наиболее полной форме» [126, с. 19], учёный называет и «Год на Севере». С этим суждением трудно не согласиться, а поэтому можно предположить, что книга С.В. Максимова – это не просто собранные воедино очерки, а труд в жанре очерка, который обладает внутренней целостностью. По нашим наблюдениям, это реализуется в её композиционной, структурно-семиотической и содержательной организации. Обсуждение некоторых из этих вопросов мы и предпринимаем.

Ко времени поездки по Архангельской губернии С.В. Максимов уже приобрёл опыт путешествия по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям, его первые публикации по результатам этого предприятия получили одобрение в среде писателей. Но главное, что для С.В. Максимова «этот

почин превратился в серьёзное дело всей жизни, в служение, основой которого была любовь к народу и вера в его творческие силы» [50, с. 13]. Думается, это та духовная установка, внутренняя пружина, благодаря которой писателю удалось собрать разнообразные, порой противоречивые впечатления в единый образ сурового, во многом необычного и одновременно освоенного как часть русской земли края. Важно и то, что задачи, которые поставило морское ведомство, совпадали с внутренними интересами исследователя и, к тому же, не были жёстко предписанными. С.В. Максимов ясно осознавал, что он, как и его товарищи по перу, посланы великим князем Константином Николаевичем, который стоял «во главе коренных преобразований после севастопольского погрома» [65, с. 81], чтобы «исследовать те застарелые язвы народного организма, которые не переставали ныть и болеть» [65, с. 89].

Программа обследования русских прибрежных территорий, хотя и была составлена, но, по настоянию великого князя, заканчивалась знаменательным обращением к литераторам. В нём говорилось, что «морское начальство, не желая стеснять таланта, вполне предоставляет вам излагать ваше путешествие и результаты исследований в той форме и в тех размерах, которые вам покажутся наиболее удобными» [65, с. 86]. Судя по тексту книги, автор в полной мере воспользовался предоставленными правами. С одной стороны, он не оставил нераскрытым ни одного вопроса программы и создал значительный и документально достоверный этнографический труд. С другой стороны, этот труд обладал несомненными художественными достоинствами и был проникнут мировосприятием и миропониманием «особого склада личности, вобравшей в себя в общении с народом лучшие стороны национального характера», как писал А.Л. Фокеев, характеризуя творчество писателя [103].

Обращаясь к тексту книги, нельзя не заметить, что как в первой её части, так и во второй нарушена хронологическая последовательность в изложении событий. Объяснить это можно лишь тем, что начальным главам автор придаёт особое значение.

Первая часть книги – «Белое море и его побережье» – начинается ноябрём 1856 г. с описания Зимнего берега и Мезенского залива, а затем – Канинского полуострова, который составляет «как бы продолжение Мезенского берега» [64, с. 39]. Однако эту территорию автор посетил, покинув Архангельск уже во второй раз.

В первый раз С.В. Максимов выехал из губернского города в июне и вернулся в него после поездки на Летний и Онежский берег только в сентябре. Именно это путешествие, начиная с третьего очерка, излагается в хронологической последовательности.

Пытаясь понять такое построение, можно предположить, что немалую роль здесь сыграл сам Архангельск, имеющий «много черт общих со всеми

другими городами» [64, с. 53]. Ничего нового не содержала для С.В. Максимова и провинциальная жизнь, томившая его в течение трёх месяцев, хотя он много и с пользой для себя работал с архивами: «прочёл все, писаное до меня о губернии» – сообщает С.В. Максимов в письме А.В. Старчевскому. В этом же и в другом письме он делится своим желанием уехать из города: «...нетерпение страшное, так бы и летел скорее вон из скучного немецкого Архангельска» (16 апреля 1856 г.); «Здесь так всё мертво и однообразно <...> Ехать нельзя будет ещё целый месяц» (27 апреля 1856 г.) [77].

Второе, что, как нам кажется, препятствовало начать описание с первого отъезда из Архангельска, было само время года, короткое, благостное, совсем не типичное для этих мест – как праздник среди суровых будней. Чтобы понять это, достаточно обратиться к началу третьего очерка, в котором С.В. Максимов, верный своему стилю, подробно описывает выезд из города и весь путь до Онеги. Перед читателем предстает Архангельск в мае, когда «быстро зеленеет трава, промытая вешней водой» [64, с. 51], и в июне, когда «городские деревья усыпались свежим, мягким листом <...>, солнце светило весело, грело своей благодетельной теплотою <...>. Местное население высыпало в городской сад, приучаясь отдыхать под обаянием обновленной и просветлевшей природы» [64, с. 52]. Следующие страницы третьего очерка содержат большой объем пейзажных зарисовок, а также осмысление наблюдаемого, описание местности, правда, вызывающей мало позитивных чувств: «Повсюду безлюдье: ни человека, ни лошади не видать нигде» [64, с. 53], «тем же безлюдьем поражают побережья моря» [64, с. 63]. И все же сама природа, одаривая кратким «ярким, животворным солнечным блеском» [64, с. 72], захватывала внимание автора, уже пережившего с февраля по май такую различную, но редко меняющуюся к лучшему северную погоду, о чём он писал Старчевскому: «Скверная погода давит физически» (27 апреля) [77]. Солнцу и относительному теплу радуются все: «Ишь, времечко-то теперь какое красивое стоит – любо да два! – говорил потом хозяин мой, не один раз любясь погодой» [64, с. 71].

Любопытно также то, что третий очерк, в котором представлено начало путешествия по поморской земле, занимает 38 страниц, которые наполнены подробными сведениями из жизни местных жителей, беседами с ними, описанием их хозяйства, промыслов, построек и т. д. Размеренное, детальное повествование раскрывает наблюдаемые автором картины от поселения к поселению, включает размышления об их истории, которую он узнал, работая в архивах или беседуя с жителями, описания разных видов речных рыб, способов их ловли и т. д.

В то же время первые два очерка, начинающие книгу, занимают лишь 30 страниц. Но именно в них автору удалось задать общий тон книги, наметить главные темы, которые получают развитие в дальнейшем, представить

в ёмком и сконцентрированном виде содержательно значимые явления, события, образы, важные для понимания жизни и характера людей, прошедших к морю и занявшихся трудным промыслом. Это не декларативные заявления, а рассказ о жизни людей Зимнего берега и Мезени – города, который нашёл автор «в середине ноября месяца 1856 г. уже закиданным глубокими снегами <...> при крепких постоянных морозах» [64, с. 21].

Наметим несколько существенных тем, образов и приёмов, характерных для этой главы и получивших развитие во всей книге.

Одним из способов ознакомления читателя с новым краем является своеобразная речь – северные говоры, которые сохранили во многих чертах новгородские корни и включили в себя элементы речи коренного населения. В книге сама диалектная речь становится знаком, предъявляющим реалии северного края, малоизвестные в других регионах. Во многих случаях без диалектных слов невозможно назвать и понять устройство и назначение различных орудий промысла, состояние воды в море или на побережье, а также состояние других явлений природы, наблюдение за которыми жизненно необходимо. Однако, даже если есть литературный синоним, автор нередко предпочитает ему диалектное слово, как бы погружая читателя в атмосферу северной жизни: «С первыми крутыми осенними ветрами: по востоку (О), полуношнику (NO), и северу (N), у берегов Белого моря, покрытого уже большими ледяными припаями, начинают показываться стада, юрова лысей, морского зверя из породы тюленей» [64, с. 33]. Освоив то или иное диалектное слово, автор легко использует его в собственной речи.

Это внимание к народной речи не внешнее, не для создания местного колорита. Оно обусловлено мировоззренческой позицией писателя. Отметим, что, исследователи не раз писали о близости С.В. Максимова с его современником Н.С. Лесковым. Представляется, что принципиально их роднят как раз общность взглядов и понимание важности народной речи не только для успешного общения, но и для обогащения их родного языка. Так, В.В. Леденёва, подчёркивая связь мировоззрения и стиля, пишет о Н.С. Лескове: «Интерес к обыденной стороне, к злободневным проблемам современного социума выразился в глубоко демократической настроенности, которая побуждала писателя говорить о русской жизни и её сердцевине – народе – языком народа» [53, с. 6]. Эти слова в полной мере можно отнести к характеристике изучаемого автора.

Среди основных тем, которые затем появляются и раскрываются в разных главах, появляется тема заселения территории, истории городов, сёл, деревень, создания и жизни монастырей. Представляется, что заселение края – это не просто приезд и обустройство людей, а освящение самой зем-

ли, приобщение ее к православию, т. е. сакрализация пространства. Открывается эта тема историей Мезени.

Автор пишет, что мезенцы ещё сохранили память о двух новгородцах – Окладникове и Филатове, которые «явились с семьями и с доброю волей противостоят негостеприимному климату и всевозможным лишениям и – оба устояли» [64, с. 21]. «Окладников явился на новое место своего жительства с пятью сыновьями и с иконою *Нерукотворного Спаса*» [64, с. 21]. Эта икона, имея свою нелёгкую судьбу, всё же была сохранена и позже перенесена в Спасскую церковь. Затем на этой земле были построены церковь Богоявления и Рождества Богородицы, поставлены «в разных местах девять крестов (свято хранимых в настоящее время) в память о жестокой зиме, стоявшей до 24 мая, когда едва не вымерзло всё живущее в городе» [64, с. 21]. В последующих главах тема сакрализации пространства возникает снова и снова: «те же деревянные церкви или, вместо них, такие же часовенки мелькают в каждом селении» [64, с. 63]. «Там и сям прорезаются в ночном полумраке деревянные кресты, которыми уставлены чуть не вплотную все берега и острова Белого моря, все перекрёстки и выгоны городов и селений Архангельской губернии» [64, с. 98].

Такое отношение к земле связано с другой важной темой, также обозначенной в первом очерке, – православной верой, которая пришла с русскими в северный край. Вера в Бога помогает преодолеть, казалось бы, непреодолимые для человека лишения. Показательным является рассказ одного помора о том, как пришлось ему с товарищами зимовать в избушке. Эти избушки, о которых автор ещё не раз напишет, воспринимаются как знак взаимовыручки. Каждая из них стоит «в тамошних пустынных и безлюдных странах» [64, с. 46], чтобы «повладел ею тот, кому приведётся отсиживаться от морских непогод, гибели и голодной смерти» [64, с. 46]. Решив зимовать в одной из таких избушек, рассказывает промысловик, заметили, что «в самом-то главном у нас недостача. <...> Забыли – согрели, а взять негде теперь» [64, с. 47]. Был среди них бывалый человек, «вытесал он дощечку <...>, взял нож и выцарапал им на той малой дощечке святой крест <...>. Помолился на него, поцеловал и поставил на тябло <...>. – Вот вам, товарищи, и икона Спасу молиться!» [64, с. 47]. Выражением внутреннего облегчения от тяжести ранее случившегося прозвучали слова: «Без Бога ни до порога! – ответили ему мы <...> все за один вздох и все сразу» [64, с. 47].

Отношение к делу также измеряется твёрдостью верой. Отправляя путешественника в село Долгая Щель, некий Гаврило Васильевич, «старожил, человек грамотный, бывалый, зажиточный, прочитавший на своём веку много книг и не духовного содержания. Таких посылала мне, впрочем, судь-

ба почти в каждом селении», [64, с. 29] говорил: «Поезжайте! Поезжайте! <...> Там народ честный, *народ там Богу работает*» [64, с. 31].

Встречается в Мезени С.В. Максимов и с раскольниками, тему которых, по утверждению учёных, он открыл в литературе. К этой сложной и болезненной теме он обращается на многих страницах анализируемой книги. И во всём – в рассуждениях автора, в описании поведения людей – заметно, что, хотя раскол церкви и разъединил людей, «вера в Бога, православие как таковое продолжало оставаться духовным средством объединения русских людей, мотивируя отношение терпимости к *своим* «по вере», но *другим*» [41, с. 232]. Уловив это, автор, рассказывая о сборах на промысел, подчёркивает их общность: «Осенится он аввакумовским крестом (если старой веры держится) и никоновским (если не соблазнён в раскол) <...> и побежит искать счастья и удачи вдали, верст за 300 от родного края» [64, с. 41–42].

Здесь же, при описании Мезени, открывается тема веры в колдовство, глазу, наговоры и т. п. «Говорунья старушка-хозяйка» поведала о людях, которые напускают порчу, вызывая разные болезни, и об оберегах от них [64, с. 23–26]. Эта тема получит особое развитие в очерке «Карельский берег», в котором говорится, что поморы свои морские болезни «приписывают исключительно <...> злобе какого-нибудь лихого человека из Карелы» [64, с. 176]. Но путешественник узнаёт также немало примет, возникших благодаря житейской наблюдательности и помогающих в промыслах и жизни, и этот материал тоже будет дополняться автором в следующих главах. Интерес к народным обычаям, к праздникам, который автор повсеместно проявляет в ходе путешествия, также обнаруживается в этой главе: в частности, он расспрашивает о свадьбах, узнаёт у своей хозяйки, как они проходили в Мезени раньше и как сейчас.

При описании Мезени и Канинского берега возникают образы самоёдов – так назывались раньше некоторые народы, проживающие на территории северного края. О них, как и о других народах, читатель узнает больше в следующих очерках. Противоречивые оценки народов, с которыми пришлось соседствовать русским, проявились уже в описании самоёда на стрелецком промысле, выжидающего морского зверя, который забредает в Белое море один, а не в стаде. Однако, как покажут дальнейшие главы, даже осуждение за что-то соседнего народа или недоверие людей разной национальности друг к другу, которое заметно в некоторых эпизодах, не приводят к конфликтам между людьми, которым приходится жить вместе, «обложившись <...> *неудобною к обитанию тундрюю*» [64, с. 22].

Сами жители Мезени говорят о своем крае: «*Задвённая сторона* наша <...>. К морю сели близко, хлебушко не родится. Что в море упромыслим, то и наше» [64, с. 23]. Казалось бы, эта удалённая – у самого северного океа-

на – земля изолирована от актуальных событий, живет замкнутой жизнью борца за выживание и за счёт поставок в губернский город и столицу того, что *упромыслили*.

Однако тема причастности этой земли и людей к жизни страны неожиданно открывается, вроде бы, и для самого автора. Сначала это проявилось в рассказе его говорливой собеседницы: «времена-то вишь ноне крепко-тугие. Эдак, кажись, никогда не бывало <...>. Да, вишь, аглечкой в летошный год приходил – баловал шибко. Много он на нас напустил напастей всяких» [64, с. 23–24]. На замечание путешественника о том, что английская эскадра, устроившая блокаду Севера во время Крымской войны, не подходила к Мезени, собеседница объяснила, что стал англичанин в губе и не пускал в море: «промысла-то и затынулись, да года на два <...>, ну и исхудали, измаялись временем тем» [64, с. 24]. Эти бесхитростные слова старушки подтвердились многократно, сведения об этом появляются в разных главах книги: следы разрушений наблюдались на Летнем берегу, по дороге в Кемь, на Соловках и Карельском берегу, в Кандалакше, где англичане не одно село сожгли и превратили в груды пепла. Рассказывали автору о недостатке боевых припасов и о том, как, несмотря на это, сопротивлялись врагу. Пожалуй, все рассказы проникнуты идеей, которая выражена в словах, сказанных архимандритом Соловецкого монастыря Александром англичанам, требовавшим снабжать их пропитанием: «Сам не хочу и не дам, и братии не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но *принадлежим своему отечеству, любим его и молимся за своего государя*» [64, с. 141].

Конечно, не только война разорила эти земли; автор уже в первых главах предпринимает попытки анализа неверного ведения хозяйства. Это его будет волновать на протяжении всего путешествия и обнаружится в рассуждениях во всех последующих главах. Однако, видя богатства края и поселения, которые и сейчас живут в достатке, силу характера людей, автор размышляет о возможных изменениях к лучшему. Эта вера в реализацию потенциала людей северной земли выражена уже на одной из первых страниц книги в словах местного жителя: «Наш народ – здоровый народ, работной, из него можно выделат такое дело, что весь край наш ухнет да диву дастся» [64, с. 31].

Эта тема – духовной силы людей, их смекалки, мужества, их знания окружающей среды и умения к ней приспособиться – открывается именно в первых главах, в которых рассказывается не просто о трудностях морского промысла, а о его экстремальности, о постоянно возникающих ситуациях, когда человек оказывается на грани жизни и смерти. Представляется, что это, как нерв севера, прежде всего и должно было открыться, надо полагать, по мысли автора, с первых страниц книги.

С.В. Максимов приводит семь сюжетов, и в каждом из них раскрываются особенности приготовления к промыслу, эпизоды ловли морского зверя, поведение его и людей, знающих немало хитростей, чтобы «облукать». Смелость, находчивость, изобретательность, удаля людей проявляется в любых видах промысла, но самый тяжелый – устинский, который еще называют выволочным и загребным [65, с. 35]. Эти названия с разных сторон отражают специфику лова. *Загребный* означает, что морской зверь приходит стадом (от *загребать*, т. е. плавать не в одиночку); *устинским* называют потому, что зверь заходит в устье Мезени и располагается до Конюшина мыса [64, с. 37]. Значение третьего слова очевидно из такого объяснения повествователя: «выволочный потому, что лёд в это время по большей части *выволакивается* ветрами из Белого моря в океан» [65, с. 39], а это грозит не только потерями добычи, но и часто гибелью людей, унесённых на льдине. На этом промысле, говорят его участники, смерть – «неизбежная посетительница», «не проходит года, чтобы не погибло два-три человека» [65, с. 39], «тут ты будь навеки умный человек, коли вернулся домой живым, непомятым» [64, с. 37].

Трудно согласиться с мнением, что «север в очерках Максимова – это *преддверие царства смерти*, и в самом прямом смысле; граница живого и мертвого здесь проницаема, „перфорирована”» [28, с. 49], да и вряд ли уместно говорить о «царстве смерти», рассуждая о мире, в котором живет северянин.

Промысловики вполне осознают смертельную опасность, но «смельчак не думает долго и собирается» [64, с. 41] на промысел – «нужда бьёт по боку назойливо и ежедневно» [64, с. 41]. Это их жизнь, а не «преддверие царства смерти». Когда автор говорит поморам, что тяжело и скучно на канинском промысле, то ему отвечают: «Скучно <...> у чертей в котле сидеть на том свете, да вот твоему благородию в стороне нашей задвённой. А нам ничего, ничем-ничего, хоть лопни глаза мои» [64, с. 42].

Повествователь приводит в этом же очерке диалоги о смерти, которые он ведет с промысловиками, например: «уж если народ о человеке плачет, стало быть, человек дорог» [64, с. 45]. И вправду, услышав о смерти своего товарища, люди горюют, «весь мир деревенский перекрестится, опять все закачают головами, начнут толковать о бездолье погибшего парня, о тяжелом житье у моря и на морских промыслах и обо всём другом многом, да тут же и опросят друг друга: А кто из вас, братцы, на стрельню-то ноне собирается» [64, с. 45]. Один промысловик в споре с путешественником говорит: «А что ты больно смерть-то охаял? Где она тебе, сказано в писании, написана, то место ты и на кривых оглоблях не объедешь: верно так! <...> Почти так же рассуждают и все другие поморы», – пишет автор [64, с. 45].

Заканчивается очерк «Берег Канинский» рассказом о людях, которые силою обстоятельств оказались на острове, имея незначительный запас самого необходимого, прожили там 6 лет и 3 месяца, нашли способ из подручных средств и обустроиться, и прокормить себя, и одеть, и ещё заниматься промыслом. Не пали духом, отстаивая свою жизнь. Подобрал их по воле случая парусник и доставил в Архангельск. «Весь длинный город ходил смотреть на груматских схимников толпами, как на диковинку и великое чудо <...>. Рассматривали вывезенные ими драгоценности: 50 пудов оленьего жира, 200 оленьих кож, 10 шкур белых медведей и очень много белых и синих лисиц» [64, с. 50]. Из их рассказов оказалось, что «самая великая беда заключалась в морозе», а еще докучали пурги и лёд [64, с. 50].

В дальнейших очерках встретится немало историй, когда человек попадает в нелегкие ситуации и противостоит обстоятельствам, надеясь на лучшее, хотя и не всегда обретает его в суровом для жизни крае. «Так вот, вишь ты, жизнь-то наша приморская, <...> где потеряешь – не чаешь, а где и найдёшь – не знаешь» [64, с. 107], – скажет путешественнику хозяин шхуны, на которой они добирались на Соловки.

Таким образом, плотность текста первых двух очерков, их тематическая насыщенность, развитие основных тем в других главах, общность событийной канвы отдельных эпизодов, включённых в первые два очерка и в следующие за ними, свидетельствуют об особой смысловой нагрузке начальных глав. Естественно, что есть темы и образы, существенные для характеристики края, например, образ Петра I и его участие в жизни Архангельского Севера, которые раскрываются в ходе дальнейшего повествования, но это требует особого рассмотрения, как и другие компоненты, формирующие целостность текста.

Швецова В.М.

*доктор филологических наук, доцент,
Мичуринский государственный аграрный университет
(393740, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, д. 101,
Российская Федерация)*

ГОЛОГРАФИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В настоящее время в отечественной лингвистике широко исследуются проблемы текста, безусловно, и художественного. Подобный интерес определяется тем, в современных условиях развития коммуникационной системы расширяется само понятие «текст», трансформируются функции, условия его возникновения, развивается система его лингвистических и

экстралингвистических возможностей, появляются новые формы разнокодовых текстов, которые могут сопровождаться определёнными коммуникативными сдвигами и сдвигами, обусловленными психологическими, социальными и пр. причинами.

В условиях реформирования основных параметров языковой картины мира, замены личной и общественной смысловых матриц природа художественного текста приобретает особую динамичность: помимо категорий связности, цельности, авторства и пр. устанавливаются его новые характеристики, связанные с возможной трансформацией семантической информации, которая реализуется в виде различных наращений, утрат, потенциальных изменений. Речь идёт о *голографичности* текста, которая реализуется в способности его единиц отражать особенности внутренних лингвистических и экстралингвистических процессов при овладении развивающимися в слове и тексте значениями. По своей природе официально-деловые, а также научные тексты, направленные на сохранение исходной семантики, связанные с терминологией, ориентированные на организацию однозначного и точного понимания заложенного в них содержания, голографичностью не обладают.

Голографичность художественного текста формируется при участии *языковых единиц с продуктивной текстовой реализацией*, представляющих собой компоненты системы (слово, элемент нового предложения, предложение, элемент нового словосочетания, часть текста и т. д.), один из которых либо участвует в моделировании семантики конкретной единицы, маркируя и развивая новое текстовое содержание (т. е. *текстовая единица с актуализирующим значением*), либо получает собственное развитие за счёт других единиц текста (т. е. *текстовая единица с актуализируемым значением*) [138, с. 7–9].

При опоре на положения теории Р. Кольера [40] и К. Прибрама [82] о свойствах оптической голограммы, нами разрабатывается и теоретически обосновывается идея голографической природы художественного текста и его единиц:

– многомерная голографическая картинка формируется под воздействием лучей лазера, создается трехмерное изображение; текстовая единица актуализирует свое значение под влиянием стимуляторов. Значение, репрезентируемое текстовой единицей с актуализируемой семантикой, многомерно: его можно анализировать с позиции коммуникативного аспекта, на лексическом, понятийном, ассоциативном и других уровнях. Это свойство художественного текста можно проанализировать на следующем примере:

*Заседание кафедры было долгое, нудное. Докладывала я неудачно. Энэн спал, а потом нёс обычную **невнятицу**. Когда он говорит, остаётся впе-*

чатление, будто кто-то при тебе чешет правой ногой левое ухо (И. Грекова «Кафедра»).

В этом тексте при участии стимуляторов *долгое, нудное, неудачно, нёс, чешет правой ногой левое ухо* единица с актуализируемым значением **невнятица** («что-либо невразумительное, непонятное» [94, с. 750]) одновременно развивается в нескольких направлениях:

1) *лексическое значение*: стимулятор *нести*, имеющий следующее значение: «говорить, болтать что-либо неразумное, вздорное» [94, с. 1198], наращивает значение исследуемой единицы, усиливая в её семантике признак «беспольности, бессмысленности чего-либо по сути», и в языковой единице **невнятица** изначально развивается коннотационная оценка, показателем которой выступает аффикс *-иц-* «ненужная суета»;

2) *ассоциативное значение* развивается в нескольких аспектах: «процесс бесполезный, не имеющий должного эффекта» (при участии стимуляторов *долгое, нудное, неудачно, нёс, чешет правой ногой левое ухо*); «различимый шум, шумовой диссонанс на уровне восприятия информации» (из-за внешних факторов при участии стимуляторов *чешет* – «шум, шорох, нарушающий тишину, улавливаемых ухом» (ср.: *собака чешет*)); *спал* – «после сна от длительного молчания садится голос, в нём преобладают шумы»);

3) *коммуникативный аспект*: сложилась невыносимая служебная ситуация, в которой создается атмосфера безразличия к происходящему. В этом случае профессиональная реализация человека невозможна.

С учётом этих типов значений формируется текстовая семантика голографической единицы **невнятица** – «абсурдное утверждение, лишённое смысла, свидетельствующее о профессиональной непригодности говорящего; непонятное в смысловом и звуковом отношении высказывание»;

– любая часть оптической голограммы содержит всю информацию целого. Текстовая единица или ее компонент отображают практически всё смысловое поле текста или его участки, вбирая и систематизируя значение сразу нескольких единиц, реализованных в нем. Например, смысловое поле текста В. Аксенова (*В метро. Гул. Шлепанье подошв. Брехня. Смех. Лай. Смехолой* («Ожог»)) формируется при участии всех его единиц (7) и системы их ресурсов. В свою очередь, указанные лексемы представляют собой также единицы с продуктивной текстовой реализацией, которые на базе собственных ресурсов организуют семантику единицы **смехолой**. Этот процесс реализуется поэтапно: определяются место формирования звука (через единицу с актуализирующим значением *в метро*), общая атмосфера, царящая вокруг (через единицу с актуализирующим значением *гул*), где ухо четко улавливает глухой стук подошв (через единицу с актуализирующим значением *шлепанье подошв*), крики ругани (через единицу с актуа-

лизирующим значением *брехня*), хохот (через единицу с актуализирующим значением *смех*), еще какие-то непонятные звуки (через единицу с актуализирующим значением *лай*, например, хотя в метро животных нет). Вся эта полифония звуков определяет содержательную структуру единицы *смехолай* («голос души современного общества; гулкий звук мира, режущий слух обывателя»), а также смысловое поле этого текста;

– оптическая голограмма обладает свойством «резервирования» – возможностью записи и хранения большого количества изображений на одной и той же поверхности. Во внутреннем пространстве (поле) одной и той же текстовой единицы одновременно может развиваться несколько значений, которые в дальнейшем способны реализоваться по отдельности в зависимости от условий коммуникации. В определенных коммуникативных ситуациях (например, в процессе чтения) при изменении психологической установки человека извлекается определенное, востребованное содержание голографической единицы;

– при восприятии оптической голограммы значительная роль отводится ассоциативной памяти человека. В своём сознании он «достраивает» недостающие участки голографического изображения, опираясь на имеющуюся систему индивидуальных ассоциаций, и делает его объёмным. В процессе формирования значения текстовой единицы особая функция возлагается на систему ассоциативных аналогий и реакций. Она возникает в результате взаимодействия двух видов языковых единиц с продуктивной текстовой реализацией или компонентов текстовой единицы с актуализируемым значением с уже реализовавшимися в языке самостоятельными словами и их фонетическими, морфемными или семантическими элементами.

Развитие голографичности художественного текста непосредственно связано с таким понятием, как ассоциативная память, которая в условиях текста функционирует в виде его ассоциативного микрополя. В его пространстве возникают внутрисловные и межсловные связи.

Внутрисловные ассоциации устанавливаются в структуре единицы с актуализируемым значением. Такие реакции могут затрагивать её фонетическую природу и проявляться через сходство звукобуквенного комплекса, через опознание словообразовательной модели, формирующей текстовую единицу.

Особенно активно внутрисловные ассоциации возникают при опознании мотивирующей основы, определяющей текстовую единицу. Этот процесс, продуктивность которого определяется особенностями самой производящей основы, представляется наиболее актуальным при организации или трансформации семантики конкретного слова и в целом самого художественного текста.

Текстовая единица с актуализируемым значением по словообразовательной структуре является словом с производной основой, которое имеет свое производящее слово. Мотивирующая основа объединяет в собственной семантической структуре наиболее типичное для всех производных лексем содержание. В силу этих причин при ее распознавании система возникающих ассоциативных реакций наиболее четко определяет пределы того информационного пространства, в рамках которого будет происходить развитие данной текстовой единицы. Подобная ограниченность способствует тому, что процесс организации нового значения существенно облегчается, а степень его продуктивности увеличивается.

Данный вид внутрисловных ассоциаций устанавливается между компонентами текстовой единицы, которая представляет сложное слово. Этот процесс успешно реализуется в следующем тексте:

*Неожиданно в душу Анны как-то уныло закралось печальное **послеосеннее** настроение* (Т.Н. Толстая «Изюм»).

Текстовая единица **послеосенний** образовалась от нескольких основ: после и осень – т. е. на базе сочетания *после осени*. При взаимодействии лексико-семантических ресурсов компонентов данной единицы развивается её значение: «приходящий после осени, зимний». Необходимо также отметить, что в менталитете русского человека осень (как время года) ассоциативно отождествляется с унынием, печалью, безысходностью. А то душевное состояние, которое охватывает человека, в несколько раз сильнее по эмоциональному спаду. Оно напоминает депрессию. Эту семантику ассоциативно поддерживают единицы с актуализирующим значением: *унылый* и *печальный* – «грустный, близкий к отчаянию». Медициной доказано, что сокращение светового дня приводит к тому, что в организме человека увеличивается выработка мелатонина. Это приводит к депрессии. Объективная реальность находит своё отражение в лексической системе языка, следовательно, значение единицы с актуализируемым значением **послеосенний** в условиях текста значительно расширяется за счет ассоциативных представлений следующим образом: «психологически тяжелый, отчаянный, депрессивный; наступивший после чего-то радостного, светлого».

Таким образом, голографичность как свойство художественного текста позволяет рассматривать его уникальную структуру как модель для понимания значений, реализующихся в нем, а способы её развития определяются особенностями языкового сознания личности.

Герасименко Н.А.

*доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация)*

ТЕКСТ С СЕКРЕТОМ

Прошедший не так давно по телевидению сериал «Таинственная страсть», основанный на тексте романа В.П. Аксёнова, всколыхнул даже тех, кто не смотрит сериалы. Все захотели прочитать роман. Что привело к такому эффекту? Успешная рекламная кампания? Ретро-интерес, очень популярный в современном обществе? Описанное в романе время – 60-е гг. XX в.? Персонажи – выдающиеся деятели культуры середины и конца прошлого века? Конечно, всё это вместе взятое повлияло на всплеск интереса к книге, сериалу и периоду Оттепели. Но не только это.

Время от времени в литературе появляются произведения, занимающие промежуточное место между текстом художественным и публицистическим, между историческим романом и воспоминаниями. В некоторых из них автор сознательно заменяет имена реальных участников событий вымышленными именами, создавая эффект тайны, секрета и предлагая читателю самому догадываться о том, кто скрывается под предложенным псевдонимом. Условно, не претендуя на терминологическую точность, этот приём можно назвать переименованием. Переименование может выполнять в тексте множество функций, например, скрывать настоящее имя персонажа ради его безопасности, ограждать близких известной персоны от негативной реакции общества и др. Хотя В.П. Аксёнов в авторском предисловии к роману «Таинственная страсть» по-другому характеризует использование этого приёма: «Читатель увидит, что на подобных вариациях возникают вольности романа. Автор смеет сказать, что он вовсе не старался прикрыться этими живыми масками от возможных нападок, а только лишь норовил расширить границы жанра. Дать больше воздуха. Прибавить больше прыти в походку» [2]. Сказанное определяет: чем больше художественности в тексте воспоминаний, чем больше вымысла, тем меньше зависимость между реальным прототипом и персонажем. И, тем не менее, реакция читателей и зрителей на книгу и сериал была очень экспрессивной. Что и требовалось издателям и продюсерам.

Как представляется, одной из важнейших функций переименования в тексте, персонажи которого отражают известных, популярных личностей, является функция привлечения внимания к тексту, возбуждения интереса к нему. Фасцинирующие возможности [см.: 24] этого приёма очень велики.

«Фасцинация (от англ. fascination – очарование) – эффект, вызываемый специально организованным вербальным (словесным) воздействием, предназначенным для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность её воздействия на их поведение» [83]. Количество семантически значимой информации при использовании приёма переименования не только не уменьшается, но увеличивается, потому что находящийся под гипнотическим влиянием «текста с секретом» прикладывает все усилия для того, чтобы разгадать предложенную автором загадку.

Наиболее известным из таких текстов является роман В.П. Катаева «Алмазный мой венец» (1978) [36], посвящённый жизни и творчеству молодых и талантливых писателей и поэтов Серебряного века, в окружении и совместном творчестве которых протекала жизнь самого автора. Это роман-воспоминание, в котором автор сознательно наделяет псевдонимами близких ему людей, которые уже тогда были известными и многие из которых в будущем станут первыми писателями и поэтами страны.

До этого приём переименования был применён Ольгой Форш в романе «Сумасшедший корабль» (1930) [104]. Написавший предисловие к современному изданию этой книги Д. Быков блестяще охарактеризовал стиль подачи персонажей и воздействующую на читателя силу тайны, секрета, которые могут быть разгаданы проницательным читателем: «Вообще расшифровка прозрачных псевдонимов из «Сумасшедшего Корабля» – отдельное удовольствие, которого мы не станем лишать вдумчивых читателей. Правда, сегодня мало кто догадается, что Олькин – Нельдихен, потому что вряд ли кто из неспециалистов помнит Сергея Нельдихена (1891–1942), того самого, чьи стихи Гумилев (напрасно, кажется) называл образцом поэтической глупости, тогда как сегодня в нём видят предтечу концептуализма. Но получить удовольствие от чтения «Сумасшедшего Корабля» можно, понятия не имея, что Черномор – Михаил Гершензон, а Акович – Аким Волынский. Книга ведь не про то, это не биографический справочник – хотя «Корабль» являет собою **эталонный роман «с ключом»** (выделено – Н.Г.), и именно от форшевских кличек ведут своё происхождение Королевич, Синеглазый и Командор в катаевском «Алмазном моём венце». Сама Форш, как вы наверняка знаете, – Долива» [17]. Из текста видно, что Д. Быков называет жанр этих романов «романом с ключом», подчёркивая, видимо, что поиск ключа для расшифровки псевдонима персонажа в таких произведениях – очень важная часть работы читателя. С этим трудно не согласиться, однако поиск термина для обозначения этого жанра – дело литературоведов. Для нас важно, что секрет, заложенный автором в наименование персонажа, вызывает сверхинтерес читателя, а интерес – важнейшая дви-

жущая сила познания. Он заставляет читателя отгадывать загадку, используя подсказки, оставленные ему автором в тексте. Тексты с секретом – это своего рода современные квесты (приключенческие игры), которые так популярны у молодёжи.

Дмитрий Быков, вдохновлённый романом Ольги Форш, его содержанием и даже основным приёмом изображения персонажей, впоследствии реализовал приём переименования в своих книгах: «Орфография: опера в трёх действиях» (2004) [16] и «ИКС» (2012) [15], продолжив традицию. Здесь нужно отметить, что в отличие от произведений О. Форш, В. Катаева, В. Аксёнова, которые основаны на личных воспоминаниях авторов, романы Д. Быкова можно отнести к историческим романам, основанным на изучении архивных документов, литературы того времени, воспоминаний очевидцев, но не на личных воспоминаниях автора. Это не могло не сказаться на особенностях переименования и подсказках, оставленных в тексте. Проблема, обозначенная как «текст с секретом», требует специального исследования, а здесь на примере романа Д. Быкова «ИКС» можно показать, какими языковыми средствами создаются «подсказки» автора, позволяющие узнать переименованного персонажа.

Роман «ИКС» посвящён проблеме автора и авторства. Исходной точкой послужила гипотеза о том, что М.А. Шолохов не сам написал роман «Тихий Дон», а использовал материалы погибшего офицера, очевидца описанных событий. Главный персонаж романа, молодой писатель, работающий над большим произведением о Гражданской войне, назван *Шелестовым*. Звуковая близость фамилий Шолохов и *Шелестов*, одинаковая начальная буква вполне могут являться подсказкой. Такую же подсказку обнаруживаем в других случаях: *Славский* – Ставский (Владимир Петрович Ставский, журналист, литератор, редактор журналов, партийный деятель, один из организаторов и впоследствии руководитель Союза писателей СССР); *Дехтерев* – Бехтерев (Владимир Михайлович Бехтерев, физиолог, психиатр, невропатолог, основатель первого в мире психоневрологического института).

Используя приём переименования, Д. Быков в качестве подсказки может оставлять имя или отчество реального прототипа: *Кирилл Александрович Шелестов* (ср.: Михаил Александрович Шолохов); *Владимир Матвеевич Славский* (ср.: Владимир Петрович Ставский); *Климов* (ср.: Климент Ефремович Ворошилов, Клим Ворошилов); *Фёдор Бутыкин* (ср.: Фёдор Иванович Панфёров); *Максимыч* (ср.: Максим Горький) и др.

Персонаж *Максимыч* проходит через ткань романа как главный авторитет в области литературного творчества: «Или ты не знал, что *Максимычево* слово теперь закон, что если *Максимыч* кого выпорет, то уж пощады не будет?» [15, с. 54]. Трудно не узнать в этой характеристике М. Горького.

Чаще всего в виде подсказок выступает контекст – фрагменты текста, описывающие происхождение, виды деятельности, написанные произведения, стиль или внешность персонажа. Так, *Пырялов* описывается как старый писатель, знаток Дона: «Единственным достоинством старого писателя *Пырялова* – его иначе уже и не называли, он всё время подчёркивал, какой он старый, – оказалось то, что донскую жизнь он описывал с 1889 года ...» [15, с. 43]. Приведённые данные связаны с именем Александра Серафимовича Серафимовича (Попова) [см.: 93, с. 226–228]. «Молодой гений» *Воронов* (прототипом которого мог быть Леонид Максимович Леонов) характеризуется автором по отношению к нему других писателей: «*Воронова* не любили коллеги, ругали критики и не считали своим На Самом Верху. При этом все его уважали, вот странность, и чем больше ругали – тем больше уважали» [15, с. 39]. Важной частью характеристики этого персонажа, по мнению автора, является также связь его внешности со стилем его письма: «...*Воронов* похож был на свою прозу <...> Он был ровно таким же – угрюмым, тяжёлым, не слишком жалующим человечество; замах у него был не на красных или белых, а на то, что сам человек вообще неправильное, уродливое, никакими условиями не исправишь порока в изначальной формуле» [15, с. 39].

Фёдор Бутыкин характеризуется в тексте как писатель, злоупотребляющий в своих текстах диалектизмами, жаргонизмами и просторечными единицами. Обиженный на редактора, вычеркнувшего из его романа слова типа *буторный, заматшинный, пыжный*, Бутыкин возмущается: «Пыжный! Скажи «пыжный» – и ты, ютить, видишь сугроб, жаркий, жирный, как, эт-сам, напыженный» [15, с. 7]. По мнению Шелестова, передающего в тексте эту информацию, в жизни «Бутыкин, правду сказать, выражался нецветисто, всё больше матерно – никто б не угадал в нём автора «Чернозёма», который, гутарили, и в Воронеже мало кто понял. «Эт-сам» через слово, и вся чернозёмность» [15, с. 7]. Хорошо знающие советскую литературу читатели могли узнать в этом речевом портрете Фёдора Ивановича Панфёрова.

Текст с секретом – интересное как в фактическом, так и в лингвистическом отношении явление, которое, как показывает жизнь, является актуальным и, возможно, будет развиваться как жанр. Это своего рода квест, в котором скрыты важные для читателя сведения и предложены подсказки, помогающие эти сведения найти. Дальнейшее изучение такого рода текстов позволит выявить многочисленные средства фасцинации, воздействующие на читателя и стимулирующие его интерес к тексту.

Шаповалова Т. Е.

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация)

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Художественный талант М.Ю. Лермонтова, эстетическое переживание красоты его поэзии ощущаешь, погружаясь в поэтический текст, названный по первой его строке «Из-под таинственной холодной полумаски...» [55, с. 202].

Формальная организация, смысловая связанность и законченность поэтического высказывания создаётся по определённым законам целым рядом языковых средств: лексических, морфологических, синтаксических, стилистических. Особая роль в порождении текста, в том числе и поэтического, принадлежит видо-временным формам глагола, называемым связанными друг с другом действия и позволяющим переживать события вместе с персонажем – лирическим героем произведения.

Внутренний мир лирического субъекта, воспринимающего действительность в статике, рождается из его творческой созерцательности, вырастает из единого временного пространства текста, воспроизведённого автором. Тактика временной организации художественного текста детерминирована выражением авторских интенций, а синтаксические особенности поэтического высказывания находятся в тесной связи с метром и строфической организацией произведения.

В первой строфе, которая представляет собой изобразительно-описательный тип поэтического текста, субстантивный оборот *из-под таинственной холодной полумаски*, выполняющий функцию свободно присоединяемого ко всей остальной части сложного предложения детерминанта с объектным значением, предопределяет инверсию сказуемого и задаёт общую типологию простых предложений – все они двусоставные:

Из-под таинственной холодной полумаски

Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,

Светили мне твои пленительные глазки,

И улыбалися лукавые уста [55, с. 202].

Выбор видо-временных форм глаголов-сказуемых создаёт изобразительно-описательный тип текста, в котором описательную функцию несовершенного вида выполняют глаголы, сообщающие о действиях, состояниях, занятиях субъекта как о его постоянных признаках: *звучал* выступает в своём лексико-семантическом варианте ‘раздаваться, быть слышным’ [95, с. 225],

светили – в значении ‘освещаться счастьем’ [95, с. 724], *улыбались* – с семантикой ‘улыбкой выражать какие-либо чувства, отношение к кому-, чему-либо’ [95, с. 866]. Имперфективное описательное прошедшее синтаксическое время поэтического текста складывается из совокупности темпоральных оттенков одновременных длительных действий, воспринимаемых лирическим героем.

*Сквозь дымку лёгкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну* [55, с. 202].

Описательная функция глагола совершенного вида *заметил* фиксирует переход от действия ‘увидеть, обнаружить, подметить’ [95, с. 208] к состоянию, которое сменяется описательной функцией несовершенного вида глагола *видел* в лексико-семантическом варианте ‘воспринимать зрением’ [95, с. 78]:

*Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..* [55, с. 202].

Разная видовая принадлежность глагольных форм несущественна, поскольку каждая из них: и *заметил*, и *видел* – служит созданию перфективной разновидности прошедшего синтаксического времени.

Глагол активного действия *создал* в форме прошедшего времени совершенного вида реализует свою сему ‘сделать существующим’ [95, с. 770] и создаёт в поэтическом тексте аористивное прошедшее синтаксическое время, регистрирующее отдельный факт прошлого, зафиксированный во временном отрезке *тогда*:

*И создал я тогда в моём воображенье
По лёгким признакам красавицу мою:
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю* [55, с. 202].

В поэтическом тексте среди сказуемых, выраженных глаголами прошедшего времени несовершенного вида, появляются глаголы настоящего времени несовершенного вида. Начало этих действий зафиксировано автором: *с той поры*. Глагол *ношу* реализует лексико-семантический вариант ‘передвигать, увлекать за собой своим движением’ [95, с. 410], называет действие, ‘повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время’ [95, с. 418]. Глагол *ласкаю* – ‘проявлять нежность, любовь, оказывать ласку кому-либо’ [95, с. 312]. Глагол *люблю* – ‘чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо, быть преданным кому-, чему-либо’ [95, с. 328]. Эти глагольные слова создают в поэтическом тексте имперфективное узуально-характеризующее настоящее синтаксическое время, поскольку передают описываемое явление как типичное, повторяющееся, обычное. Как долго эти действия могут повторяться? Можно сказать, что мироощущение лирического субъекта окрашивается опытом вечности, что подтверждается последующим контекстом, включающим глаголы настоящего времени несовершенного вида:

*И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья* [55, с. 202].

Глагольные формы *кажется*, *шепчет* прочитываются как называющие действия неопределённого ряда повторений в широком плане настоящего времени, близкого к значению временной обобщённости [116]. Всё это свидетельствует о том, что лирическому герою Лермонтова присущ особый тип высокой любви, способной постичь глубинные сверхчувственные причины человеческого бытия. Необычайная лёгкая прелесть каждого стиха демонстрирует взаимопроникновение красоты и добра, душевную слитность героя с окружающим миром и счастьем.

Муратова Е.Ю.

*доктор филологических наук, доцент
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33, Республика Беларусь)*

АЛЛОТРОПИЧНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Для поэзии XX в. характерны не только новые темы, образы, видение мира, но также иной по сравнению с XIX в. поэтический язык, который часто превращается в сложную, экзистенциальную форму отражения мира. В современном художественном тексте ярко проявляются черты, не присущие предшествующим текстам: усиление личностного начала, трансформация языкового значения, авторское словообразование, растущая метафоричность речи, превалирование имплицитности текста над эксплицитностью.

Именно поэтому сам поиск новых методологических подходов к исследованию поэтического языка является, по нашему мнению, актуальным, поскольку «побуждает к преодолению противоречий, объективно возникающих в рамках существующей системы парадигмальных законов, предписаний, постулатов, приводит к непарадигмальному осмыслению проблем современной науки о языке» [140, р. 398].

В лингвопоэтике всегда существовала проблема объективизации интуитивных представлений исследователей о ряде параметров текста, в частности, определение лёгкости или сложности текста для восприятия и интерпретации. Мы в своих исследованиях пытаемся определить (или хотя бы к этому приблизиться) объективные критерии оценки семантической

сложности поэтического текста, предлагая концепцию, позволяющую по-новому рассматривать русский поэтический текст и функционирование в нём основных единиц русского языка. В основе этой концепции лежит понятие *аллотропичность текста*, вводимое нами для определения степени сложности поэтического текста.

Термин *аллотропия* возник в естественных науках: «Аллотропия (гр. *allos* – другой, + *trope*, *trapos* – поворот) – свойство некоторых химических элементов в свободном виде существовать в нескольких видоизменениях, различных по физическим и химическим свойствам, напр., углерод существует в виде угля, графита и алмаза» [14, с. 34].

Аллотропичный текст – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами.

Для исследования степени аллотропичности поэтического текста мы используем понятие *маркер аллотропичности* – это материальный показатель степени аллотропичности поэтического текста. Маркеры аллотропичности выведены нами эмпирически, на основе анализа нескольких тысяч поэтических текстов. Выявляются 6 основных маркеров аллотропичности: неузуальные синтагматические связи лексем; специфическое проявление и оформление грамматических категорий; влияние означающего (фонетический облик слова) на означаемое (лексическое значение); лексикализация; интертекстуальность, дискурсивность – и нек. др.

Степень выражения языковой аллотропичности поэтического текста определяется количеством и качеством маркеров в контексте. Для определения аллотропичности текста нами вводится *коэффициент аллотропичности K_a* , который определяется формулой: A/N , где A – количество маркеров, N – количество строк. Чем больше соотношение A/N , тем выше степень аллотропичности текста.

Выявление языковых средств создания аллотропичности в современном русском поэтическом тексте осуществляется при помощи специального терминологического аппарата исследования, представленного следующими основными терминами: *фракталь*, *диссипативная структура (диссипативный процесс)*, *бифуркация*, *аттрактор*.

Фракталь. Основой детерминации беспорядочности и разброса смыслов в языке являются фракталы, базирующиеся на более или менее общей смысловой однозначности восприятия людьми окружающего мира. Фракталы – границы объектов, некоторые элементы которых копируют свойства родительских объектов, обладающие свойствами самоподобия (в природе это, например, облака). В языке выявляются семантические фракталы –

группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта. Основная функция фракталей в языке – удерживать возможные смыслы одной фразы в пределах некоторой мыслимой целостности.

В научный обиход нами вводится понятие *фонетической фрактали*. *Фонетическая фракталь* – это фоносемантические границы языковых единиц, имеющих свойства инвариантности: наблюдается изменение их значения под влиянием звучания, но обязательно в рамках определенной фоносемантической целостности данного языкового комплекса. Основная функция фонетической фрактали – обозначить условные границы влияния означающего языкового знака на его означаемое, поскольку это влияние объективно не может быть безграничным.

Например, у Б. Ахмадулиной: *Как плавно выступала пава, / пока была ее пора! – / опалом пагубным всплывала / и Анной Павловой была* [8].

В данном контексте выявляется 3 маркера аллотропичности: 2 интертекстуальные связи – *Анна Павлова* и *пава* (фольклор); 1 маркер – звуковой повтор; $Ka = 0,75$. Генеральная диссипация возникает за счет актуализации фонетического уровня стихотворения. Из 77 звуков 58 являются гласными (33), сонорными (15) и звонкими согласными (10), т. е. само фонетическое качество преобладающих звуков создает насыщенность голосом, а не шумом. При этом 11 раз повторяется ударный «а». Выражение связывается в единую фонетическую фракталь посредством модуляции звуков: плв (*плавно*) – впл (*выступала*) – пв (*пава*) – бл (*была*) – п (*пора*) – плм (*опалом*) – пбм (*пагубным*) – впл (*всплывала*) – пвл (*Павловой*) – бл (*была*). Сближение слов с фонетически близкими комплексами звуков – *плавно, пава, всплывала, Павлова* – углубляет семантическую структуру текста: в значение лексемы *всплывала* «проникает» сема значения *плавно*, одновременно *Павлова* получает оттенки значений всех трех созвучных слов. В конечном итоге не только лексемы передают, как именно выступала пава (*плавно, всплывала опалом, двигалась с легкостью и грацией балерины Анны Павловой*), но «переплетение» звуков как будто тоже передает все изгибы и тонкости её движения.

Бифуркация – «ветвление путей эволюции системы» [68, с. 40], т. е. возможности системы реализовывать разные смыслы в одной и той же совокупности языковых единиц.

Диссипативная структура. Диссипативные структуры – это самопроизвольно возникающие образования. В поэтическом языке возникновение диссипативных структур, т. е. *когерентное взаимодействие языковых единиц, в результате которого рождается новый смысл*, наблюдается регулярно. В первую очередь это проявляется на уровне синтагматических связей лексем. Рассмотрим механизм появления новых смыслов на примере из стихотворения Е. Евтушенко [32] «Он вернулся из долгого...»:

*Он отец мне по возрасту,
по призванию брат,
невеселые волосы.
Пиджачок мешковат.
Вижу **руки подробные**,
Все по ним узнаю,
и глаза исподлобные
смотрят в душу мою.*

В этих строках 4 маркера аллотропичности: три нестандартных сочетания существительных с прилагательными и окказиональное прилагательное *исподлобные*; $Ka = 0,5$. В этой строфе выявляются три точки бифуркации, в которых происходит самоорганизация глубинных смыслов: *невеселые волосы*, *руки подробные*, *глаза исподлобные*. Казалось бы, действие происходит во фрактале «внешний вид человека», поскольку описываются его волосы, руки, глаза. Но неузальное соединение этих лексем разворачивает аттрактор во фракталь «судьба человека». Волосы у пожилого человека могут быть седые, поредевшие, редкие и под., *невеселые волосы* – это одновременно и их внешний вид (трудно представить в данном случае, например, буйные кудри), и внешний вид человека (выражение лица, взгляд, осанка), и пройденный трудный жизненный путь. *Подробные руки* – это не мягкие, гладкие руки с наманикюрными ногтями (которые как раз *не подробные* руки); *подробные руки* – это руки с мозолями, с жесткой кожей, пропитанной металлом или углем, с вздувшимися от многих тяжестей жилами; они – как открытая книга жизни этого человека. Сочетание *глаза исподлобные* включает окказиональное прилагательное, сама грамматическая форма которого является источником появления новых смыслов. Если выражение *глаза, глядящие исподлобья*, характеризует взгляд в конкретный момент времени, то в прилагательном *исподлобные* сема горечи и грусти – признак постоянный, жизнь «сделала» глаза *исподлобными*. И при этом в таких глазах нет озлобленности, потому что они *смотрят в душу*, т. е. жизнь человека не сломала, а, наоборот, сделала сильным и мудрым. Ни одна лексема в отдельности в данных сочетаниях не несет таких смыслов, аллотропичность возникает при взаимоналожении разных сем значений в конкретных точках бифуркации.

Аттрактор – направление поиска смысла и приписывание выражению определённого смыслового содержания. Аттрактор выявляется в «переходе от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания» [7, с. 8].

Проиллюстрируем это утверждение аллотропичным анализом следующих строк А. Вознесенского [21]: *Свело. Свело. Свело. / С тобой. С то*

бой. С тобой. / Алло. Алло. Алло. / Отбой. Отбой. Отбой. Маркерами аллотропичности являются повтор лексем и повтор ударной фонемы <О>; $K_a = 0,5$. За счет фонетического строя стихотворения – постоянного повтора ударной фонемы <О> – аттрактор разворачивается не во фракталь «телефонный разговор», а во фракталь «разрыв, боль, одиночество». Благодаря диссипативному процессу, который организуется не только на базе словарных значений лексем, но и, главным образом, на базе фонетической организации стихотворения, имитирующей телефонные гудки, рождается художественный образ человека, нервно сжимающего телефонную трубку и напряженно вслушивающегося в безразличные телефонные гудки, которые становятся символом одиночества, душевного надрыва их слушающего, сложности отношений между двумя людьми. Оба маркера создают условия для развития диссипативного процесса в лексемах *свело* и *отбой*, в которых проявляются глубинные смыслы: *свести* – не только *соединить*, но – *согнуть, скорчить*; *отбой* – не только *сигнал конца разговора*, но конец отношений, понимание невозможности их продолжения.

Таким образом, выявленные языковые средства выражения аллотропичности дают возможность в определенной степени объективировать смысловые и художественные потенции поэтического текста.

Акулова А.А.

редактор детской литературы издательства «Лабиринт Пресс», (115419, г. Москва, 2-й Рошинский проезд, д. 8, стр. 4, Российская Федерация)

ИЗ МИРА ДЕТСКОЙ СКАЗКИ В МИР ГИПЕРТЕКСТА

В последние годы популярными стали издания комментированной художественной литературы для детей. Таковы, например, «Робинзон Крузо» (издательство «Клевер», 2014), «Остров сокровищ» (издательство «Астрель», 2012), а также «Правдивая история Деда Мороза» и «Приключения Алисы в Стране чудес» [48] (издательство «Лабиринт Пресс» в 2010 и 2013 гг. – соответственно). Это очень разные книги, и не только потому, что в них опубликованы различные произведения, но и потому, что подход к комментированию текста в каждом случае свой, издательский, и зависит от концепции издания, профессионализма комментатора, ценового сегмента и других факторов. Этим аспектам стоит посвятить отдельное книговедческое исследование, а нас интересует сам факт обращения создателей детских книг к гипертексту (с позиций современной лингвистики комментированный текст является гипертекстом). Цель – обозначить те особенности гипертекста, которые делают его подходящей для детского восприятия формой организации текста.

Гипертекст, согласно принимаемой нами позиции, – это форма организации текстового материала. Этот термин пришел в лингвистику из информационных технологий, он был введен Тедом Нельсоном [148, с. 86] в 1965 г. для описания документов, которые выражают идеи в нелинейных структурах, в противоположность линейной структуре традиционных текстов книг, креолизованных текстов аудиовизуального плана (фильмов и т. д.) и устной речи. Новый термин затем вошел в лингвистику, уже в отечественной филологии о гипертексте писали М.М. Субботин (1994), В.Н. Агеев (1997) и др. [см.: 99]. О.В. Дедова также пишет о гипертекстуальности и обозначает её как «совокупность специфических особенностей гипертекста в изложении, структурировании и организации доступа к информации» [29, с. 32]. Рассмотрим, как эти особенности реализуются издателями детской литературы, на примере выбранного нами для анализа издания «Приключения Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла под редакцией К. Кутловской и Е. Бунтман.

Нужно сказать, что в данном случае гипертекстом является и сказка, и комментарий: они превращаются в единое, синтетическое, произведение, которое можно условно назвать прокомментированной «Алисой...».

Во-первых, обозначим специфику изложения. Изложение гипертекста нелинейное, его содержание необходимо воспринимать, руководствуясь принципом одновременности. В «Алисе» текст произведения сопровождается текстом комментария, их нужно читать параллельно. Однако читатель может сначала ознакомиться с комментарием на странице, а затем продолжить чтение текста сказки, для которого у него уже будут сформированы фоновые знания, донесенные комментарием, или, наоборот, сначала прочитать текст, а затем обратиться к комментарию за пояснением.

Во-вторых, выделим особенности структурирования гипертекста: это наличие внутренних корреляционных отсылок, или гиперссылок. В «Алисе...» отсылки нежесткие – нет привычных для взрослых читателей номеров ссылок или звездочек, а есть вступления комментирующих текстов, которые обычно открываются комментируемым словом из текста сказки. Ценность и характер каждого отдельного комментария разные: есть пояснения конкретных слов, например, слова *реверанс*, есть исторический комментарий, рассказывающий о викторианской эпохе в целом, есть текстологические пояснения. Поэтому нет необходимости регламентировать порядок чтения комментария, привязывая комментирующие тексты к конкретным словам, ведь иногда этот текст может корреспондировать с предложениями-высказываниями, межфразовыми единствами, оформленными как классический абзац, с целой главой или со всей сказкой. Комментарий должен обеспечить успех взаимодействия читатель <=> текст, эффектив-

ность восприятия текста, поэтому он и выглядит как фон для сказки, впечатляющие содержательные декорации для основного действия.

Третья особенность гипертекста, по О.В. Дедовой, организация доступа к информации. В «Алисе...» за основным (актуальным) текстом закреплен определенный шрифт и место на странице, его ни за что не перепутать с комментарием, который более разнообразен по форме, но также визуализирован по определенным правилам. На развороте всегда ясно видна «зона текста сказки» и «зона комментария», и читателю уже интуитивно понятно, с какой зоной он взаимодействует. Гипертекст часто характеризуется потребностью в интерфейсе – компьютерный клик наилучшим образом реализует переход по ссылке в гипертексте и обеспечивает нелинейность, разветвлённость. Отличительной особенностью «Алисы...» является наличие интерактивных элементов – бумажных клапанов, кармашков, окошек, под которыми прячется текст; тем самым создатели воплотили идею виртуальной гиперссылки в бумажном издании. Например, тексту сказки: «Алиса взяла перчатки и веер...» – в зоне комментария соответствует клапан в форме перчатки XIX в., под которым скрывается историческая справка – текст о значении перчаток в жизни викторианской леди.

Комментированная «Алиса...» обладает всеми особенностями гипертекста, а сам этот гипертекст не слишком сложен по структуре: актуальный текст (по классификации Е.Ю. Чилингир [114]) – это сказка Кэрролла, претексты – комментарий, однако он не прост по форме и предназначен для игры, взаимодействия с основным текстом. Комментарий – это не только вербальный текст; но и изобразительные материалы (некоторые пояснения качественно проиллюстрированы). Более того, вместо примечания редактор помещает картинку по принципу «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», а также интерактивные элементы. Интерактивный комментарий [ср.: 75] обладает всеми достоинствами креолизованного комментария, но заодно позволяет – в буквальном смысле – прикоснуться к произведению, и зачастую «комментирует комментарий», усложняя структуру данного гипертекста.

В докомпьютерную эпоху гипертекстовая структура была в основном присуща энциклопедическим изданиям и религиозным текстам. В середине XX в. появляются и условно гипертекстуальные художественные произведения. Самыми заметными стали романы Кортасара, Павича, Джойса. Мы исследуем классические линейные тексты, превращенные в гипертекст наращиванием комментария. В эпоху Интернета – гигантского гипертекста – такие превращения можно объявить данью моде, но не стоит забывать, что гипертекст затрагивает рациональные структуры и является инструментом познания. В.Л. Эпштейн пишет о том, что гипертекстовая система, содержащая сеть уз-

лов (фрагментов, модулей, фреймов) и заданные на них ассоциативные связи, порождает трехмерное информационное пространство, что создает информационную среду, адекватную глубинной структуре переработки идей человеческим мозгом [127]. Внутреннее соответствие гипертекстовой формы организации образу человеческого мышления – вот преимущество гипертекста.

Итак, создание гипертекста представляет собой игру с читателем, а его чтение является игрой с текстом и автором. Чтение гипертекста – это конструирование нового текста, по сути своей – процесс творчества, когда количество значений компоует и переформирует данные ему изначально тексты. Гипертекст уже прочно ассоциируется с интерактивностью, игрой и творчеством, достаточно посмотреть на заглавия научных и научно-популярных статей: «Игры и гипертексты в электронных тенетах» С. Кузнецова (1996), «Гипертекст. Творчество без границ» С. Петухова (2010), «Мультимедийность и интерактивность как категории электронного гипертекста» О.В. Дедовой (2011) и т. п. Это значит, что гипертекст, как инструмент познания, игры и творчества решает задачи, которые ставит перед собой литература для детей, и реализует сразу несколько функций, свойственных разным её жанрам: и познавательную, и воспитательную, и эстетическую, и развлекательную [101]. И дело не только в моде на всё гипертекстуальное.

Леденёва В.В.

*доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация)*

ОБРЕЧЁННЫЙ НА КРЕОЛИЗАЦИЮ?

Проблемным заголовком мы ставим вопрос, на который, с нашей точки зрения, почти сложился утвердительный ответ в практике создания и, главное, издания печатной продукции, размещения текста для использования реципиентом в электронных сетях и т. д. Сегодня подавляющее число текстов разных стилей идёт к адресату с введением в них иллюстраций, фотографий, символов, нотных знаков, интерактивных комментариев и других средств, которые превращают тексты в поликодовые, иначе – креолизованные, «интерсемиотические», контаминированные, изовербальные, видеовербальные и т. д. Говоря о невербальных компонентах, нужно не забыть и такие средства графики, как знаки препинания в их непрямом использовании и т. п. (например, манипулятивные наборы из нескольких восклицательных или вопросительных знаков), иные паралингвистические элементы.

Термин *креолизированный*, представляющий тексты, ткань, или, иными словами, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [97, с. 180; 18, с. 192–194], кажется нам более гибким и прагматически ориентирующим характеристикой в рамках теории текста, чем допускающий широкую интерпретацию сознанием исследователя (и обыденным) *поликодовый* [ср.: 63, с. 95, 98–100; 96]. Полисемант *код*, входящий в основу этого слова как корень, уже предполагает существование «системы условных обозначений, сигналов, передающих информацию» [46; 73], но не эксплицирует сем ‘разнородный’, ‘негомогенный’.

Специальный, созданный для LSP одной из отраслей лингвистики, в принципе, конвенциональный, а потому прагматически ориентированный на передачу определённого содержания термин *креолизированный* обращён к переосмысленным семантическим компонентам этнонима *креол* – ‘смешанный’, ‘разный по происхождению’. Образование слова как имени прилагательного, наподобие многих окказиональных единиц, чересступенчатым способом, от основы существительного, а не потенциального глагола, делает его проводником информации о специфичности означаемого вида текста, подключающим имплицитные семы ‘неожиданный’, ‘нетипичный’, ‘яркий’, при этом компонент ‘человек как представитель этноса, расы’, безусловно, устранён. Но эти рассуждения – лишь некоторые вводные замечания, ибо не терминологический аспект изучения текста мы ставим в центре нашего внимания в данном случае, а то обстоятельство, что современному разноликому адресату (читателю художественной литературы и публицистики, пользователю сети «Интернет», кинозрителю, потребителю текстов СМИ, в том числе рекламных и т. д.) в современной языковой ситуации почти не остаётся возможности встретиться с чисто вербальным текстом.

Действительно, лингвисты констатируют, что «термин „текст” приобретает расширительное значение семиотического явления контаминационного типа» [63, с. 99], подчёркивают, что стремление к максимальному обобщению информации и эффективному представлению её реципиенту в удобовоспринимаемом виде авторами и/или издателями приводит к усилению влияния креолизированных текстов, в том числе отмеченных высокой степенью креолизации, к намеренной адаптации вербального компонента за счёт визуального в ряде жанров прежде всего массовых изданиях [см. пример: 62]. Мы также, оценивая тенденцию, отвечаем на поставленный в заголовке вопрос утвердительно и коснёмся креолизации со стилистических позиций.

Взгляд на издание «без картинок» в настоящее время выпадает из числа актуальных для потребителя. Это, что показывают наблюдения, касается текстов всех функциональных стилей, прежде всего публикаций в СМИ.

Не требует комментария тот факт, что использование визуального (иконического) компонента выступает как конституирующее, неотъемлемое качество рекламных текстов:

Это качество (креолизация) распространяется не только на тексты произведений художественной литературы, традиционно рассчитанные на иллюстрирование, среди которых чемпионами являются издания для детей, но и на тексты моностилей –

официально-делового стиля, научные. Их креолизация связана с использованием символики, например, официальной, при оформлении документов. Выложенные на сайтах организаций, тексты законов РФ обретают графическое оформление, привлекающее внимание к их содержанию:

Даже если в тексте документов названных функциональных стилей невозможно или не требуется приводить иллюстрации, включать схемы, представлять графики и т.п., то всё-таки их формальная структура предполагает использование логотипов, символов, паралингвистических средств, а на обложке сборников документов допустимы и иные элементы креолизации. Этого требуют установки на привлечение внимания, воздействие, убеждение, доказательство, удержание интереса, на продвижение идеи (ср. в рекламе – товара / услуги), повышение авторитета автора и другие, относимые (в целом) к области коммуникативных и когнитивных тактик, к манипулированию [ср.: 78, с. 118–122].

Креолизация весьма необходима в учебно-научных изданиях для наглядной презентации информации, для выполнения текстом познавательной функции, актуализации её, так как введение графиков, схем и таблиц улучшает донесение и облегчает восприятие материала адресатом, способствует его интериоризации.

Лексикография как область лингвистической науки, поддерживающая образовательную деятельность, все успешнее использует в современных условиях, особенно при создании DVD-дисков, интернет-версий словарей, невербальные средства. Иконический элемент позволяет экономить языковые ресурсы и делать объяснения ещё более доступными и яркими в энциклопедиях и аспектных словарях; без креолизации невозможно представить словари идеографические, отражающие тот или иной фрагмент картины мира [см.: 54]. Креолизованными текстами при этом могут стать кон-

кретные дефиниции, толкования лексического значения (например, историзмов) или перевод в дву- и многоязычных словарях [например: 39]. Линейки визуальных словарей разрабатываются, например, в издательстве ЭКСМО.

В политическом дискурсе с коммуникативной установкой воздействия и убеждения создаются креолизованные тексты в таких жанрах, как листовка, политический плакат, печатаются газетные статьи с рисунками, фотоиллюстрациями, злободневной и ожидаемой адресатом карикатурой. Наличие визуального компонента повышает восприятие информации политического текста с 7% до 55% [22, с. 74], что и в этой сфере указывает на важность и... неотвратимость использования креолизации.

Те же тенденции демонстрирует строгий к отбору средств церковно-религиозный стиль. Тексты печатных органов РПЦ, как видится, характеризуются частичной креолизацией. Характер их модусной рамки, в связи с установкой на позитивность, и их задачи – восхваление Господа, Пресвятой Богородицы, Матери Церкви, а также воспитание в религиозном духе, наставление, ободрение верующих – связаны с духовными запросами читателей: принять слово пастыря, проповедь, почувствовать необходимость помочь ближнему и т. д. Здесь публикуются житийные материалы, наставления, рассказы об иконах и монастырях, о событиях исторических, о судьбах разных людей. Вот почему, по-видимому, фотографии, а не рисунки стали главным средством креолизации в текстах газет РПЦ. Среди публикуемых фотографий обращают на себя внимание такие, где запечатлены иерархи, деятели церкви, в том числе те, кто выступает в качестве гостя номера. Регулярно размещаются фотографии различных икон: благоприятным поводом служат даты церковного календаря, рассказы о святых и православных храмах. Этот стиль с его особым отношением к слову как репрезентанту Слова Веры, как видим, не может не учитывать значимости иконического компонента.

Итак, обзор показывает, что текст любого стиля и дискурса способен и в настоящее время должен подвергаться креолизации, чтобы стать востребованным и эффективно выполнять свои функционально-стилистические задачи при позиционировании принципа прозрачности в трансляции социально значимой информации.

Артамонова Ю.Д.

*кандидат философских наук, доцент,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

КОНЕЦ «ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧНОЙ» ЭПОХИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОНЯТИЯ «ТЕКСТ»

Понятие «текст» при всей его кажущейся универсальности не является давним. Происходящее от лат. *textum* (переплетение, ткань) и впервые данное Юстинианом своду законов, созданному по его распоряжению, оно только к XV в. начинает применяться для обозначения не только сводов законов и музыкальных партитур, но и литературных произведений. С понятием «текст» связан и определенный инструментарий исследования – проведение границ текста, чтение текста «от начала до конца», выявление замысла (и обращение к фигуре автора), анализ контекста; до XV в. этот инструментарий практически не использовался.

Введение понятия «текст» и связанного с ним инструментария анализа было связано с появлением идеи индивидуума; степень искажения, возможность видения божественных истин и т. д. различны у разных индивидуумов; для того чтобы уловить эти различия, нужно обращать внимание на «источник» произведения, специфику и границы данной речи. Собственно, с идеи, что и языческие авторы могли сообщить пока не сказанное никем из христианских авторов, хотя и понятное всем, и начинается «возрождение золотой латыни». Автором правила «прочитай текст от начала до конца» был протестантский теолог Матиус Флациус Иллирик; он сформулировал его в «Ключе к истолкованию Священного Писания», и считал формулировку этого правила открытием для толкования [146]. С идеей разного искажения истин Священного Писания связана и идея замысла текста, и это – начало долгого пути формирования, а затем критики фигуры автора в новоевропейской культуре; автор трактуется как источник целостности и личности текста, пока еще послушный вечным и его превосходящим истинам. Именно фигура автора, особенность взгляда на мир и обуславливают языковое и стилевое единство текста; эта идея позволяет развиваться грамматической и исторической критике, прежде всего, у Лоренцо Валлы в «Критике Константинова дара» [19]. Появляется и идея герменевтического круга, предполагающая, что смысл части зависит от смысла целого. Впервые появляется представление о языке не как о наборе независимых друг от друга имен, а как о целом – Данте, рассуждая о необходимости писать на народном языке, отдает дань совершенству золотой

латыни, однако полагает, что и народный язык может быть совершенным для других задач [136].

Только в это время формируются наши такие «естественные» допущения: текст обладает границами и некоторым единством, что связано с идеей (идеями), выражением которых он служит; именно это дает ему возможность существовать в традиции – и, следовательно, механизмы его освоения в культуре тоже не произвольны. Идея «воспитания» вполне логична в этой культуре. Произведения и пишутся, и читаются в специфической литературоцентричной логике. Такая культура текста появится в XV в., переживет расцвет в XIX – начале XX вв.; сейчас мы наблюдаем её размывание.

Причин этого размывания множество; достаточно указать и на связанные с техническими изменениями формирование глобального информационного пространства, визуализацию культуры и гипертекстовость культурного поля, а также размывание единых культурных механизмов, что не позволяет говорить о единой логике производства смысла (создания очевидностей).

Глобальное информационное пространство лишает текст строго определенного контекста и допускает полифонию механизмов его воспроизводства в культуре, что приводит к дисперсии смысла и тем самым – к проблематизации, если не к обесмысливанию границ текста (ведь их маркировка была ключом к раскрытию замысла, который и диктовал стилистическое и смысловое единство текста).

Визуальное сложно назвать текстом хотя бы потому, что там нет устойчивых единиц, жёстко связанных между собой; логика выделения единиц и их сочленения может быть различной, поэтому о смысловой завершенности или хотя бы о некоей общей связующей все смысловой логике говорить нет оснований. Кроме того, визуальная информация претендует на статус «неприкрытой правды» – а даже не ее описания; метафорически это можно было бы выразить формулой-лозунгом: «Мир таков – смотрите сами». О специфичности реальности, задаваемой такой претензией, говорил еще замечательный актер С. Мозжухин, соединивший свою фотографию с официального документа с тарелкой супа, девочкой с плюшевым мишкой и траурной процессией – и весело наблюдавший, как все видят выражение веселого нетерпения, суровой и сдержанной нежности и суровой и сдержанной скорби соответственно. Речь идет о «факте», а не тексте – а обрастать факт может чем угодно (не случайно приходят на ум выражения «обрастать слухами, домыслами» – похожий статус теперь приобретают попытки нащупать единство, т. е. собственно «текстовость»; тот же, кто их предпринимает, оказывается тем самым незадачливым интерпретатором монтажа Мозжузина).

Гипертекстовость предполагает, что не следует (а зачастую и невозможно) точно идентифицировать источник текста и тем самым установить его границы, уловить его внутреннюю целостность (замысел) – текст становится репликой в бесконечном разговоре, в котором к тому же круг собеседников постоянно меняется. В организованной как гипертекст культуре нет базовых текстов, исходя из освоения которых, шло бы развитие; здесь трудно указать исходные или направляющие моменты, текст движется теперь не в пространстве традиции, а в пространстве информации в современном смысле слова.

В настоящее время мы наблюдаем именно сосуществование (не всегда мирное) двух разных культур – и если традиционная культура текста обладает веками выработанным аппаратом для работы с ним, то вторая нуждается не в проклятиях, а в серьезном анализе.

Какие средства могут быть адекватны для этой новой «культуры»?

Не будем задавать вопросов о подлинной действительности, адекватности и специфичности ее репрезентации – попробуем исходить из жеста, в котором не будем вслед за М. Мерло-Понти различать лингвистическую, эмоциональную и т. д. составляющие – есть жест, который нацелен на мир и впервые позволяет обозначить границы вещей и тела. Этот жест к тому же обращен к другому. «Реальный субъект должен <...> иметь некоторую систему значений, чьи соответствия, отношения, соподчинения не нужно разъяснять прежде, чем использовать» [67, с. 20]. Поэтому язык теперь может быть проанализирован не как сообщение – можно поймать этот момент проведения границ, определения. Однако Мерло-Понти предполагает целостную логику жестов, по крайней мере, в рамках одной человеческой жизни – здесь же мы ее, по-видимому, не встречаем.

Если мы будем исходить из этого «одноразового» жеста, то слова в таком случае ни к чему не отсылают – как и жест, они презентуют проведение границ, не случайно речь ведущих становится уверенной скороговоркой, в которой трудно разобрать не только смысл, но уже и отдельные слова. А бессмысленные слоганы рекламы встречаются все чаще (*не тормози – сникерсни; не дай себе засохнуть* и т. д.).

Почему же жест интересен кому-либо? Здесь и появляется важный момент – вопрос оприятии этого мира, согласия с таким проведением границ. Вот несколько примеров рекламных слоганов: «В компании с Толстяком время летит незаметно», «Отрывайся срочно, это сочно» и т. д. Распространенность ток-шоу (каждый канал в России имеет по крайней мере одно популярное ток-шоу) показывает ту же тенденцию – обратите внимание, что вопросы для обсуждения стоят так широко, что делают серьезное обсуждение невозможным. К примеру, на ток-шоу «Культурная революция» (время в эфире примерно 50 минут, ведущий – М. Швыдкой) обсуждались вопро-

сы: нужна ли реформа языка; образование должно быть платным; нужна ли цензура, погубит ли интеллигенция Россию и т. д. Всерьёз обсуждать вопросы, впрочем, никто и не собирается – два оппонента (в основном вообще неспециалисты в обсуждаемой области, популярные актеры, журналисты и т. д.) в течение 5 минут высказывают свои точки зрения, – а далее публика начинает задавать им вопросы и делиться соображениями. Суть ток-шоу тем самым приближается к сути рекламных слоганов: мы делаем так, а ты? И даже в метеопрогнозе на одном из каналов ведущий старательно выдерживает имидж соседа по подъезду: домашний вид, домашние позы, стиль и интонации речи – как в разговорах соседей, вместе вошедших в подъезд и отправляющихся к своим квартирам. Вопрос, который задается, один: это твоя реальность? Или это? Т. е. вторая компонента этого жеста – провоцирование на повторение другим (зрителем, читателем, слушателем), создание «виртуальной имидж-идентичности».

Интересно то, что тиражируются аспекты как раз не столько лингвистического поведения, а жест (например, появляется серия «как выглядеть благопристойно в зависимости от избранной группы» – ряд утренних передач объединён в так называемый утренний канал тем, что в комнате сидит дама или мужчина этой «имидж-группы» и комментирует новости, дает советы и т. д.).

Задача, которая встает здесь, – проанализировать эти жесты, а также техники создания «привлекательности для повторения». Повторим ещё раз: что новизна этой задачи связана с тем, что жест вовсе не пытается быть переосмысленным в какой-либо уже существующей структуре сознания, как-либо воздействовать на нее и т. д. – скорее, просто требует «признания» и не критического приятия мира, в котором этот жест уместен. Именно на пути анализа жестов и возможных импульсов их повторения реципиентом и возможен анализ этой новой, нелингвоцентричной культуры.

Леденёва В.В.

*доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В работе Круглого стола приняли участие лингвисты, политологи, философы, представитель издательской сферы («Лабиринт Пресс») из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Северодвинска, Мичуринска (Россия), Витебска (Белоруссия). Исследователи представляли та-

кие вузы, как Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский государственный областной университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Гуманитарный институт филиала САФУ (Северный (Арктический) федеральный университет) имени М.В. Ломоносова, Мичуринский государственный аграрный университет, Московский политехнический университет, Нижегородская академия МВД России, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (Белоруссия). Участие известного белорусского учёного Е.Ю. Муратовой придало Круглому столу статус международного.

Как показали материалы, исследование текста по-прежнему актуально, а круг затрагиваемых проблем расширился. Сформировались продуктивные подходы к описанию особенностей политического текста, сложилась методология и накоплен большой опыт его анализа в дискурсивном аспекте. И хотя излюбленным объектом для наблюдений остаётся у лингвистов текст художественный, предстающий в своих таинственных связях, голографичности, как обладатель индивидуально, образно использованной каждым автором системы единиц и категорий, вопрос о «конце „литературоцентричности”» уже поднимается философами. Но это не отменяет того многообразия смыслов, которые тексты призваны сохранить и передать, как сохраняется и передаётся ими язык – сокровище народа, достояние языковой личности.

Круглый стол не поставил точки в дискуссии: оставлено широкое поле для размышлений о многоликом, эволюционирующем, не теряющем своей значимости для культуры, науки и других сфер жизни ТЕКСТЕ, для истолкования его духовных, нравственных, социально-политических и иных смыслов, из каких бы элементов ни была соткана его ткань.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянца, А.В. Мыриковой, Е.Б. Фурсовой. М.: РОССПЭН, 2010. 888 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
2. Аксенов В.П. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) [Электронный ресурс]. URL:<http://e-libra.ru/read/217393-tainstvennaya-strast.-roman-osheshidesyatnikakh.html> (дата обращения: 11.01.2017).
3. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов. М.: Университетская книга: Логос, 2006. 384 с.
4. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола / Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е.,

Чанышев А.А., Ширинянец А.А. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 110–136.

5. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: круглый стол / Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Вархогова В.А., Волошин А.И., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Чанышев А.А., Ширинянец А.А. // SCHOLA-2013. «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений»: материалы международной научной конференции, Москва, 30–31 октября 2013 г. / под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 341–357.

6. Артамонова Ю.Д. Фигура автора и понимание политического текста // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

7. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е.В. Падучевой. М., 1985. С. 3–42.

8. Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты: стихи. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 464 с.

9. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2004. 496 с.

10. Багатурия Г.А. Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.А. Ширинянец; подг. текстов Е.В. Бобровских, при участии О.Д. Тальской и А.И. Волошина. М.: Издательство Московского университета, 2014. 400 с.

11. Бакунин М.А. Избранные труды / сост., вступ. ст. А.А. Ширинянца, П.И. Талерова, автор коммент. П.И. Талеров. М.: РОССПЭН, 2010. 816 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

12. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова, С.Н. Зенкина и др. М., 1989. 616 с.

13. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.

14. Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 2004. 784 с.

15. Быков Д.Л. ИКС: роман. М.: Эксмо, 2012. 288 с.

16. Быков Д.Л. Орфография: опера в трёх действиях. М.: Вагриус, 2004. 686 с.

17. Быков Д.Л. Хроники русской Касталии. Предисловие к книге О. Форш «Сумасшедший корабль» [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/books/353475-sumashedshij-korabl.html> (дата обращения: 21.01.2017).

18. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 280 с.

19. Валла Лоренцо. Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина / пер. с лат. И.А. Перельмутера // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. С. 139–216.

20. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2006. 576 с.

21. Вознесенский А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1984. 484 с.

22. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 73–78.
23. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
24. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в рекламном тексте: информация и фасцинация // Olomoucké Dny Rusistu Sbornik prispěvků z mezinárodního konference XXI. Olomouc, 07–09 сентября 2011 г. Olomouc, 2011. P. 117–121.
25. Герасименко Н.А. Отражение человека в языке: глагольное сказуемое // Язык и актуальные проблемы образования: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МАНПО, 2017. С. 78–82.
26. Горохов А.А. Консервативные ценности в политике и общественной мысли России первой половины XIX века / под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2017. 168 с.
27. Горохов А.А. Консерватизм в России и особенности русской консервативной социально-политической мысли первой половины XIX века // Тетради по консерватизму. 2016. № 2. С. 125–150.
28. Граматчикова Н.Б. Северный край России в этнографических очерках С.В. Максимова // Дергачевские чтения–2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всероссийской научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения И.А. Дергачева. Екатеринбург, 6–7 октября 2011 г.: в 3 т. / сост. А.В. Подчиненов. Т. 3. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. С. 43–51.
29. Дедова О.В. Теория гипертекста и гипертекстуальные практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008. 284 с.
30. Диброва Е.И. Избранные работы по русскому языку: в 2 т. Т. I. М., 2008. 430 с.
31. Дядечко Л.П. Крылатые слова нашего времени: толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. 798 с.
32. Евтушенко Е. Граждане, послушайте меня... : стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1989. 494 с.
33. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд., стер. М.: Русский язык, 1993. 538 с.
34. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 432 с.
35. Карамзин Н.М. Избранные труды / сост. А.А. Ширинянц, А.Ю. Старостин; вступит. ст. А.А. Ширинянца, Д.В. Ермашова; коммент. А.А. Ширинянца, А.И. Шевлякова. М.: РОССПЭН, 2010. 488 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
36. Катаев В.П. Алмазный мой венец. Уже написан Вертер. М.: Панорама, 1999. 384 с.
37. Козиков И.А. В.И. Вернадский – создатель учения о ноосфере. М.: Издательство Московского университета, 2013. 224 с.
38. Козиков И.А. М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский о России. М.: Издательство Московского университета, 2011. 504 с.

39. Колесникова А.Д., Люльчак Л.М. Французско-русский иллюстрированный словарь. Около 4000 слов. М.: Русский язык, 1977. 856 с.
40. Кольер Р., Берхарт К., Лин Л. Оптическая голография : пер. с англ. М.: Мир, 1973. 686 с.
41. Кошелева И.Г. Религиозный аспект ценностно-смысловой оппозиции «свой / чужой» в книге С.В. Максимова «Год на Севере» // Северный и Сибирский тексты русской литературы: типологическое и уникальное / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 226–233.
42. Кристева Ю. Избранное: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.
43. Крopotкин П.А. Избранные труды / сост., вступ. ст. А.А. Ширинянца, П.И. Талерова; коммент. П.И. Талерова. М.: РОССПЭН, 2010. 986 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
44. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 172 с.
45. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
46. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. Около 52.000 слов. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.
47. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура: коллективная монография / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. С. 214–233.
48. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес / под ред. К. Кутловской, Е. Бунтман. М.: Лабиринт Пресс, 2013. 110 с.
49. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2008. 256 с.
50. Лебедев Ю.В. Писатель-первопроходец // Максимов С.В. Литературные путешествия / вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. М.: Современник, 1986. С. 5–28.
51. Леденёва В.В. Идиостиль как система отношений [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-kak-sistema-otnosheniy> (дата обращения: 25.01.2017).
52. Леденёва В.В. Сверхтекст древнерусской литературы и современный медиатекст [Электронный ресурс] // Высшая школа телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: http://ftv.msu.ru/hst-notes/notes_2.php#19 (дата обращения: 05.02.2017).
53. Леденёва В.В. Слово Лескова : монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
54. Леденёва В.В., Тихонова В.В., Шаповалова Т.Е., Войлова К.А. Идеографический словарь по русскому языку: учебно-справочное издание для школьников / под ред. В.В. Леденёвой. М.: Диона, 2014. 324 с.
55. Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Пятигорск: СНЕГ, 2014. 208 с.
56. Литвиненко Т.Е. Интертексты в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2008. 308 с.

57. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. 704 с.
58. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–288.
59. Лошаков А.Г. Об авторской парадигме свертхтекстов // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 50–57.
60. Лошаков А.Г. Свертхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. ... дис. док. филол. наук. Киров, 2008. 50 с.
61. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
62. Максименко О.И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 111–116.
63. Максименко О.И. Поликодовый vs Креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
64. Максимов С.В. Год на Севере / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Плеханова. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1984. 608 с.
65. Максимов С.В. Литературные путешествия / вступ. ст. и коммент. Ю.В. Лебедева. М.: Современник, 1986. 416 с.
66. Меднис Н.Е. Свертхтексты в русской литературе [Электронный ресурс]. // Книжный развал: [сайт]. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 17.10.2015).
67. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 602 с.
68. Михневич А.Е. Значение → смысл: диссипативный процесс // Русский язык: система и функционирование: материалы Международной научной конференции. Минск, 18–19 мая 2004 г.: в 2 ч. / отв. ред. И.С. Ровдо. Ч. 1. Минск, 2004. С. 39–42.
69. Мырикова А.В., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Топычканов А.В., Осадченко З.Н., Ширинянец А.А., Шутов А.Ю. // Русский вопрос в истории политики и мысли: антология / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 5–58.
70. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: URSS, 1988. 300 с.
71. Ноздрина Л.А. О категориальном статусе некоторых лингвистических явлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 39–46.
72. Образовательный стандарт Московского государственного университета (утвержден приказом по МГУ от 22.07.2011 г. № 729) (в редакции приказа по МГУ от 22.11.2011 г. № 1066) [Электронный ресурс]. URL: http://standart.msu.ru/sites/default/files/standards/030200_politologiya_0.pdf (дата обращения: 27.02.2017).
73. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. 748 с.
74. Отечество в Великой войне 1941–1945 годов. Образы и тексты / под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; сост. К.М. Андерсон, З.Н. Вишнякова, Е.М. Мяткова, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Ширинянец, А.Ю. Шутов. М.: РОС-СПЭН, 2015. 280 с.

75. Панфилова С.С. Авторский комментарий к художественному тексту как явление лингвистического гипертекста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 821. С. 256–262.

76. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: URSS, 2002. 368 с.

77. Письма С.В. Максимова к А.В. Старчевскому / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Павлова [Электронный ресурс]. URL: <http://kostromka.ru/kostroma/land/01/maximov> (дата обращения: 25.01.2017).

78. Поварницына М.В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2(106). С. 117–124.

79. Погодин М.П. Избранные труды / сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянца, К.В. Рясенцева; подгот. текстов А.А. Ширинянца, К.В. Рясенцева, Е.П. Харченко. М.: РОССПЭН, 2010. 778 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

80. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола / Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Ширинянец А.А. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 110–136.

81. Потегбня А.А. Теоретическая поэтика: учебное пособие / сост., вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. 384 с.

82. Прибрам К. Язык мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейрорепсихологии / пер. с англ. Н.Н. Даниловой, Е.Д. Хомской; под общ. ред. А.Р. Лурии. М.: Прогресс, 1975. 464 с.

83. Психологический словарь сайта Мир психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1053> (дата обращения: 01.02.2017).

84. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 784 с.

85. Роберт Оуэн: Жизнь и идеи / сост. К.М. Андерсон, А.А. Зоткин; вступ. ст. К.М. Андерсона; подгот. текстов: А.Н. Линде, О.Д. Тальской при участии А.И. Волошина; под ред. К.М. Андерсона, А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2014. 272 с. (Библиотека факультета политологии МГУ).

86. Россия в Великой войне 1914–1918 годов. Образы и тексты / под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; сост. К.М. Андерсон, Б.С. Котов, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Ширинянец, А.Ю. Шутов. М.: РОССПЭН, 2014. 280 с.

87. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.

88. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: М.А. Бакунин / под ред. А.А. Ширинянца; сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянец. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 324 с. (Русская социально-политическая мысль»).

89. Русская социально-политическая мысль XIX века: К.С. Аксаков / сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянца, А.В. Мырковой; под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Политическая мысль, 2011. 200 с. (Русская социально-политическая мысль).

90. Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: хрестоматия / сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. Текстов А.В. Мыркова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. 896 с.

91. Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв.: хрестоматия / сост. С.В. Перевезенцев; подгот. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, А.С. Ермолина, В.С. Зубова; под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Издательство Московского университета, 2011. 728 с.

92. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост. А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин; подгот. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011. 880 с.

93. Русские писатели. Библиографический словарь: в 2 т. / под ред. П.А. Николаева. Т. 2. М–Я. М.: Просвещение, 1990. 446 с.

94. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 7. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. 1468 с.

95. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

96. Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 220 с.

97. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

98. СССР и Австрия на пути к Государственному договору. Страницы документальной истории. 1945–1955. Образы и тексты / под общ. ред. В.И. Якунина; сост. А.Ю. Ватлин, Б.С. Котов, А.К. Сорокин, А.А. Ширинянц, А.Ю. Шутов. М.: РОССПЭН, 2015. 456 с.

99. Субботин М.М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // Итоги науки и техники. 1994. Т. 18. С. 1–158.

100. Толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/michelson/vpechatlenie-1499.html> (дата обращения: 25.01.2017).

101. Трыкова О.Ю. Детская литература: основные функции, особенности восприятия, феномен бестселлера [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.1september.ru/2006/08/11.htm> (дата обращения: 15.01.2017).

102. Тюпа В.И. Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение: материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. М., 2003. С. 50–63.

103. Фокеев А.Л. Сергей Васильевич Максимов: биография [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.org/library/read/18260> (дата обращения: 20.01.2017).

104. Форш О. Сумасшедший корабль [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/books/353475-sumasshedshij-korabl.html> (дата обращения: 21.01.2017).

105. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1986. 544 с.

106. Фразеологический словарь русского языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. М.: ТОПИКАЛ, 1995. 608 с.

107. Хранители России: антология в 4 т. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / под ред. С.В. Перевезенцева; сост.: Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянец; подгот. текстов А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. М.: Паблис, 2015. 736 с.

108. Хранители России: антология в 4 т. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева; сост. Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянец; подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. М.: Паблис, 2015. 936 с.

109. Хранители России. Антология: в 4 т. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. / под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца; сост. Д.А. Ананьев, Т.И. Дайн, Ю.Е. Кондаков, Н.Н. Лупарева, А.О. Мещерякова, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов, В.С. Парсамов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, И.Р. Федий, С.В. Хатунцев, А.С. Хелик, А.А. Ширинянец. М.: Паблис, 2016. 1096 с.

110. Хранители России: антология в 4 т. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. / под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца; сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, А.А. Горохов, Т.И. Дайн, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, А.С. Хелик, А.А. Ширинянец. М.: Паблис, 2016. 1136 с.

111. Чернейко Л.О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста. М., 1999. С. 439–460.

112. Чернейко Л.О. Металингвистика: хаос и порядок // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 5. С. 39–52.

113. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987. 158 с.

114. Чилингер Е.Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект [Электронный ресурс] // Вестник славянских культур. 2011. №19. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-v-literature-zhurnalistiche-i-piare-sotsiokulturnyy-asppekt> (дата обращения: 15.01.2017).

115. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

116. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 4. С. 18–21.

117. Швецова В.М. Лексико-ассоциативные ресурсы текстовых единиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 1. С. 205–210.

118. Шевырев С.П. Избранные труды / сост. К.В. Рясенцев, А.А. Ширинянца; вступ. ст. А.А. Ширинянца; коммент. М.К. Кирюшиной, К.В. Рясенцева, А.А. Ширинянца. М.: РОССПЭН, 2010. 680 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

119. Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. 650

с. (Библиотека факультета политологии).

120. Ширинянец А.А., Шутов А.Ю. От организационного комитета конференции // Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений (к 40-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова): материалы Международной научной конференции, Москва, 28–29 октября 2011 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 3–4.

121. Ширинянец А.А., Шутов А.Ю. Предисловие // SCHOLA-2013. Политика в текстах – тексты в политике: материалы Международной научной конференции (Москва, 30–31 октября 2013 г.) / под общ. ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин. М.: Издательство Московского университета. 2013. С. 3–4.

122. Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос: Праксис, 2000. 364 с.

123. Шурупова О.С. Культурно-языковой феномен городского текста // Филологические знания на современном этапе: сб. статей / отв. ред. И.А. Шушарина. Вып. 4. Курган: Курганский государственный университет, 2015. С. 168–173.

124. Шутов А.Ю., Ширинянец А.А. Предисловие // SCHOLA-2015: Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений: материалы III Международной научной конференции / под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин. М.: РОССПЭН, 2015. С. 13–14.

125. Шутов А.Ю., Ширинянец А.А. Предисловие // SCHOLA-2016: Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: проблемы становления: материалы Международной научной конференции / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.А. Горохов, А.В. Мырикова. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 11–12.

126. Щербакова М.И. Проза С.В. Максимова. Текстология и вопросы поэтики: автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1997. 48 с.

127. Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm> (дата обращения: 26.01.2017).

128. Эпштейн М.Н. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. Философия языка (1) [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. 2004. 12 ноября [сайт]. URL: <http://www.topos.ru/article/3001> (дата обращения: 05.02.2017).

129. Эпштейн М.Н. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. Философия языка (2) [Электронный ресурс] // Топос: ежедневный литературно-философский журнал. 2004. 22 ноября [сайт]. URL: <http://www.topos.ru/article/3031> (дата обращения: 05.02.2017)

130. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

131. Althusser L. The Humanist Controversy and Other Writings (1966–1967) / ed. François Matheron. London; New York: Verso, 2003. 318 p.

132. Althusser L., Balibar E. Lire Le Capital. Paris: François Maspero, 1973. 188 p.

133. Aristotle's Politics Today / ed. L.E. Goodman, R.B. Talisse. Albany: State University of New York Press. 2007. 168 p.

134. Benton T. The Rise and Fall of Structural Marxism. Althusser and His Influence.

London: Macmillan, 1984. 260 p.

135. Booth W.C. *A Rhetoric of Irony*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1975. 292 p.

136. Dante Alighieri. *De vulgari eloquentia* // Dante On line. URL: www.danteonline.it (request date: 25.01.2017).

137. Elster J. *Alexis de Tocqueville, the First Social Scientist*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 202 p.

138. Fowler R. *On Critical Linguistics // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis* / ed. Carmen Rosa Caldas-Coulthard and Malcolm Coulthard. London; New York: Routledge, 1996. P. 3–14.

139. Ghosh K. *The Wycliffite Heresy. Authority and the Interpretation of Texts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 298 p.

140. Haken G. *Synergetics*. M.: Mir, 1980. 404 p.

141. Hoey M., Mahlberg M., Stubbs M., Teubert W. *Text, Discourse and Corpora. Theory and Analysis*. London and New York: Continuum, 2007. 254 p.

142. Kahan A.S. *Aristocratic Liberalism. The Social and Political Thought of Jacob Burckhardt, John Stuart Mill and Alexis de Tocqueville*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 228 p.

143. Kelly G.A. *The Human Comedy. Constant, Tocqueville and French Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 262 p.

144. Kuypers J.A., King A. *What is Rhetoric? // Rhetorical Criticism. Perspectives in Action* / ed. Jim A. Kuypers. Lahnam: Lexington Books, 2009. P. 1–12.

145. Larson R.L. *Foreword // Fahnestock J., Secor M. A Rhetoric of Argument*. 2nd edition. New York: McGraw-Hill, 1990. P. VII–X.

146. Matthias Flacius. *Clavis Scripturae Sacrae seu de Sermone Sacrarum literarum*. [E-source]. URL: <http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd17/content/titleinfo/5473696> (request date: 25.01.2017).

147. McKee A. *Textual Analysis: A Beginner's Guide*. London: Sage Publications, 2003. 160 p.

148. Nelson T.N. *A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate // ACM : proceedings of 20th National Conference, (Cleveland, Ohio, August 24, 1965)*. New York, 1965. P. 84–100.

149. Offe C. *Reflections on America. Tocqueville, Weber and Adorno in the United States*. Cambridge: Polity Press, 2005. 116 p.

150. Ostrom V. *The Meaning of Democracy and the Vulnerabilities of Democracies. A Response to Tocqueville's Challenge*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997. 330 p.

151. Plauché G.A. *Aristotelian Liberalism. An Inquiry into the Foundations of a Free and Flourishing Society: Thesis PhD of Political Sciences*. Baton Rouge, 2009. 276 p.

152. Salkie R. *Text and Discourse Analysis*. London; New York: Routledge, 1995. 116 p.

153. SCHOLA-2013: *Политика в текстах – тексты в политике: материалы Международной научной конференции, Москва, 30–31 октября 2013 г. / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин*. М.: Издательство Московского университета, 2013. 364 с.

154. Scott C.E. The Inconstant Democratic Character. A Comparison of Plato's Republic and Tocqueville's Democracy in America: Thesis PhD of Political Sciences. New York, 2008. 442 p.

155. Steinert H., Treiber H. Die Revolution und ihre Theorien. Frankreich 1848: Marx, v. Stein, Tocqueville im aktuellen Vergleich. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975. 102 S.

156. Widdowson H.G. Text, Context, Pretext. Critical Issues in Discourse Analysis. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 186 p.

REFERENCES

1. Aksakov K.S., Aksakov I.S. Shirinyants A.A., Myrikova A.V., Fursova E.B., comp. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010. 888 p.

2. Aksenov V.P. *Tainstvennaya strast' (roman o shestidesyatnikah)* [Mysterious Passion (Novel about the Sixties)]. Available at: <http://e-libra.ru/read/217393-tainstvennaya-strast.-roman-o-shestidesyatnikax.html> (accessed 11.01.2017).

3. Altunyan A.G. *Analiz politicheskikh tekstov* [Analysis of Political Texts]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ.; Logos Publ., 2006. 384 p.

4. Anderson K.M., Artamonova Yu.D., Bojцова O.Yu., Varhotova V.A., Gutorov V.A., Ermashov D.V., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Kotov B.S., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezencev S.V., Prokudin B.A., Setov N.R., Puchnina O.E., Chanyshev A.A., Shirinyants A.A. Political Textual Criticism as a Science and Academic Discipline: Materials of the Round Table. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2014, no. 4, 110–136 pp.

5. Anderson K.M., Bojцова O.Yu., Varhotova V.A., Voloshin A.I., Gutorov V.A., Ermashov D.V., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezencev S.V., Prokudin B.A., Setov N.R., Sorokopudova O.E., Chanyshev A.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu., Shirinyants A.A., ed., Voloshin A.I., comt. Political Textual Criticism as a Science and Academic Discipline: Round Table. In: *SCHOLA-2013. Politika v tekstah – teksty v politike: nauka istorii idej i uchenij: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 30–31 oktyabrya 2013 g.* [SCHOL-2013: Politics in Texts – Texts in Politics: Science of the History of Ideas and Theories: Proceedings of the International Scientific Conference, October 30–31 2013]. Moscow, Moscow University Publ., 2013, 341–357 pp.

6. Artamonova Yu.D. Authorial Figure and Political Text Interpretation. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University (electronic journal)], 2016, no. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

7. Arutyunova N.D. The Origins, Problems and Categories of Pragmatics. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Vol.16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, 1985, 3–42 pp.

8. Akhmadulina B. *Druzej moih prekrasnye cherty: stihi* [My Friends' Beautiful Faces: Poems]. Moscow, EHKSMO-Press Publ., 1999. 464 p.

9. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice]. Moscow, 2004. 496 p.

10. Bagaturiya G.A. Shutov A.Yu., Shirinyants A.A., ed. *Kontury gryadushchego. Ehn-gel's o kommunisticheskom obshchestve* [The Outlines of the Future. Engels on Communist

Society]. Moscow, Moscow University Publ., 2014. 400 p.

11. Bakunin M.A. Shirinyants A.A., Talerov P.I., comp., Talerov P.I., comm. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010. 816 p.

12. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poehatika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989. 616 p.

13. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i ehstetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, 1975. 504 p.

14. *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov* [Big Dictionary of Foreign Words] Moscow, YUNVES Publ., 2004. 784 p.

15. Bykov D.L. *Hroniki russkoj Kastalii. Predislovie k knige O. Forsh «Sumasshedshij korabl'»* [Chronicle of the Russian Castalia. The Preface to the Book of O. Forsh "A Crazy Ship"]. URL: <http://e-libra.ru/books/353475-sumasshedshij-korabl.html> (accessed 21.01.2017).

16. Bykov D.L. *IKS [IKS]*. Moscow, Ehksmo Publ., 2012. 288 p.

17. Bykov D.L. *Orfografiya: opera v tryoh dejstviyah* [Spelling: Opera in Three Acts]. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 686 p.

18. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [The Theory of a Text]. Moscow, Logos Publ., 2004. 280 p.

19. Valla Lorenzo. Reasoning on the So-Called Constantine Gift Certificate being Forged]. In: *Ital'yanskije gumanisty XV veka o tserkvi i religii* [Italian Humanists in XV century about Church and Religion] Moscow, 1952, pp. 139–216.

20. Val'ter H., Mokienko V.M. *Antiposlovicy russkogo naroda* [Antiproverbs of the Russian People]. St. Petersburg, Neva Publ., 2006. 576 p.

21. Voznesenskij A. *Sobranie sochinenij: T. 3.* [Collected Works. Vol. 3] Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1983. 484 p.

22. Voroshilova M.B. A Creolized Text in Political Discourse. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2007, no. 23, pp. 73–78.

23. Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 352 p.

24. Gerasimenko N.A. Bisubstantial Sentence in the Advertising Text: Information and Fascination. In: *Sbornik prispevku z mezinardni conference XXI. Olomoucke Dny Rusistu, September 7–9, 2011.* Olomouc, 2011, pp. 117–121.

25. Gerasimenko N.A. A Person's Reflection in Language: Verbal Predicate. In: *Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Language and Current Problems of Education: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, MANPO Publ., 2017, pp. 78–82.

26. Gorohov A.A. Shirinyants A.A., ed. *Konservativnye ценности v politike i obshchestvennoj mysli Rossii pervoj poloviny XIX veka* [Conservative Values in Politics and Public Thought of Russia in the First Half of the Nineteenth Century]. Moscow, Moscow University Publ., 2017. 168 p.

27. Gorohov A.A. Conservatism in Russia and Peculiarities of Russian Conservative Socio-Political Thought of the First Half of the XIX Century. In: *Tetrady po konservatizmu* [Essays on Conservatism], 2016, no. 3(2), pp. 125–150.

28. Gramatchikova N.B. The Northern Region of Russia in the Ethnographic Essays

by S.V. Maksimov. In: *Dergachevskie chteniya–2011. Russkaya literatura: natsional'noe razvitiie i regional'nye osobennosti: materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Dergacheva, (Ekaterinburg, 6–7 oktyabrya 2011 g.)*. T. 3. [Dergachev's Readings – 2011. Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities: Proceedings of the X All-Russian Scientific Conference Dedicated to I.A. Dergachev's 100th Anniversary. Vol. 3]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2012, pp. 43–51.

29. Dedova O.V. *Teoriya giperteksta i gipertekstual'nye praktiki v Runete* [The Theory of Hypertext and Hypertextuality Practices in Runet]. Moscow, MAKS Press Publ., 2008. 284 p.

30. Dibrova E.I. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku. T. 1*. [Selected Works on the Russian Language. Vol. 2]. Moscow, 2008. Vol. I. 429 p.

31. Dyadechko L.P. *Krylatye slova nashego vremeni: tolkovyy slovar'* [Winged Words of the Present: Dictionary]. Moscow, NT Press Publ., 2008. 797 p.

32. Evtushenko E. *Grazhdane, poslushajte menya...: stihotvoreniya i poehmy* [Citizens, Listen to me ...: Rhymes and Poems]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1989. 494 p.

33. Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovic i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1993. 537 p.

34. Il'in M.V. *Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatiy* [Words and Meanings. Experience of Describing Key Political Concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 432 p.

35. Karamzin N.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010. 488 p.

36. Kataev V.P. *Almaznyi moi venets. Uzhe napisan Verter* [My Diamond Crown. Already Written by Werther]. Moscow, Panorama Publ., 1999. 384 p.

37. Kozikov I.A. *V.I. Vernadskij – sozdatel' ucheniya o noosfere* [V.I. Vernadsky – the Founder of the Doctrine about the Noosphere]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 224 p.

38. Kozikov I.A. *M.V. Lomonosov, D.I. Mendeleev, V.I. Vernadskij o Rossii* [M.V. Lomonosov, D.I. Mendeleev, V.I. Vernadsky about Russia] Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., 2011. 504 p.

39. Kolesnikova A.D., Lyul'chak L.M. *Francuzsko-russkij illyustrirovannyj slovar'. Okolo 4000 slov* [French-Russian Illustrated Dictionary. About 4000 Words]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1977. 856 p.

40. Kol'er R., Berhart K., Lin L. *Opticheskaya golografiya* [Optical Holography]. Moscow, Mir Publ., 1973. 686 p.

41. Kosheleva I.G. The Religious Aspect of Value-Semantic Opposition “a Friend / a Stranger” in the Book by S.V. Maximov “A Year in the North”. In: *Severnij i Sibirskij teksty russkoj literatury: tipologicheskoe i unikal'noe* [Northern and Siberian Texts of Russian Literature: Typological and Unique]. Arhangel'sk: ID SAFU Publ., 2014, pp. 226–233.

42. Kristeva Yu. *Izbrannoe: Razrushenie poetiki* [Selected Works: the Destruction of Poetics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 656 p.

43. Kropotkin P.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 986 p.

44. Krylova O.A. *Kommunikativnyj sintaksis russkogo yazyka* [Communicative Syn-

tax of the Russian Language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 171 p.

45. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. On the Way of Getting Knowledge about the Language: Parts of Speech from Cognitive Point of View. The Role of a Language in Understanding the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 560 p.

46. Kuznetsova A.I., Efremova T.F. *Slovar' morfem russkogo yazyka. Okolo 52 000 slov* [Dictionary of Morphemes of the Russian Language. About 52 000 Words]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1986. 1136 p.

47. Kupina N.A., Bitenskaya G.V. *Cortex and its Variants*. In: *Chelovek – tekst – kul'tura* [Man – Text – Culture]. Ekaterinburg: Development of Regional Education Institute Publ., 1994, pp. 214–233.

48. Kehrroll L. *Priklyucheniya Alisy v Strane Chudes* [Alice's Adventures in Wonderland]. Moscow, Labirint Press Publ., 2013. 110 p.

49. Lakoff J., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors that We Live in]. Moscow, URSS Publ., 2008. 256 p.

50. Lebedev Yu.V. *Writer-Pioneer*. In: *Maksimov S.V. Literaturnye puteshestviya* [Maksimov S. V. Literary Journey]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, pp. 5–28.

51. Ledeneva V.V. *Idiostyle as a System of Relations*. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: the Humanities], 2001, no. 5. In: *CyberLeninka*. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-kak-sistema-otnosheniy> (accessed 25.01.2017).

52. Ledeneva V.V. *Cortex of ancient literature and modern media text*. In: *Vysshaya shkola televideniya MGU imeni M. V. Lomonosova* [Higher School of Television of Moscow State University named after MV Lomonosov]. Available at: http://ftv.msu.ru/hst-notes/notes_2.php#19 (accessed 05.02.2017).

53. Ledeneva V.V. *Slovo Leskova* [Leskov's Word]. Moscow, Inf. & Publ. Dep. of MRSU Publ., 2015. 260 p.

54. Ledeneva V.V., Gerasimenko N.A., Tikhonova V.V., Shapovalova T.E., Vojlova K.A. *Ideograficheskij slovar' po russkomu yazyku: uchebno-spravocnoe izdanie dlya shkol'nikov* [The Ideographic Dictionary of the Russian Language: Training and Reference Book for Students]. Moscow, Diona Publ., 2014. 324 p.

55. Lermontov M.Yu. *Stihotvoreniya* [Poems]. Pyatigorsk, SNEG Publ., 2014. 208 p.

56. Litvinenko T.E. *Interteksty v aspektah lingvistiki i obshchej teorii teksta: monografiya* [Intertexts in the Aspects of Linguistics and the General Theory of a Text]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University Publ., 2008. 308 p.

57. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Universe of the Mind]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2001. 703 p.

58. Lotman Yu.M. *The Structure of a Literary Text*. In: *Lotman Yu.M. Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg, 1998, pp. 14–288.

59. Loshakov A.G. *On the Author's Supertext Paradigm*. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosydarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Bulletin of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gercen], 2008, no. 71, pp. 50–57.

60. Loshakov A.G. *Sverhtekst: semantika, pragmatika, tipologiya: avtoref. ... dis. dok.*

filol. nauk [Supertext: Semantics, Pragmatics, Typology: Abstract of Thesis D. in Political Sciences]. Kirov, 2008. 50 p.

61. Luman N. *Media komunikacii* [Media Communications]. Moscow, Logos Publ., 2005. 280 p.

62. Maksimenko O.I. Bells Letters Adaptation: from Novel to Comics. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 111–116.

63. Maksimenko O.I. Polycode vs Creolized Text: Terminology Problems. In: *Vestnik Rossiiskii universitet druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of Russian University Peoples Friendship . Series: Language Studies. Semiotics. Semantics], 2012, no. 2, pp. 93–102.

64. Maksimov S.V. *God na Severe* [A Year in the North]. Arhangel'sk, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984. 608 p.

65. Maksimov S.V. *Literaturnye puteshestviya* [Literary Travel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 416 p.

66. Mednis N.E. *Sverhteksty v russkoj literature* [Supertexts in Russian Literature]. Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (accessed 17.10.2015).

67. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg, Yuventa Publ.; Nauka Publ., 1999. 602 p.

68. Mihnevich A.E. Value*Meaning: the Dissipative Process. In: *Russkij yazyk: sistema i funkcionirovanie: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Minsk 18–19 maya 2004 g. Ch. 2* [The Russian Language: System and Functioning: Proceedings of the International Scientific Conference. Minsk, May 18–19 2004]. Vol. 1]. Minsk, 2004, pp. 39–42.

69. Myrikova A.V., Setov N.R., Sorokopudova O.E., Topychkanov A.V., Osadchenko Z.N., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. *Russkij vopros v istorii politiki i mysli* [The Russian Question in the History of Politics and Thought]. Moscow, Moscow University Publ., 2013, pp. 5–58.

70. Novikov L.A. *Hudozhestvennyj tekst i ego analiz* [The Literary Text and its Analysis]. Moscow, URSS Publ., 1988. 300 p.

71. Nozdrina L.A. Categorical Status of Some Linguistic Phenomena. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezchul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2001, no. 2, pp. 39–46.

72. *Obrazovatel'nyj standart Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Utverzhen prikazom po MGU ot 22.07.2011 g. № 729 (v redakcii prikaza po MGU ot 22.11.2011 g. № 1066)* [Educational Standard of Moscow State University. 22.07.2011, no. 729 (ed. from 22.11.2011, no. 1066)]. Available at: http://standart.msu.ru/sites/default/files/standards/030200_politologiya_0.pdf (accessed 27.02.2017).

73. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language] Moscow, Russkij yazyk Publ., 1988. 748 p.

74. *Otechestvo v Velikoj vojne 1941–1945 godov. Obrazy i teksty* [Fatherland in the Great War of 1941–1945. Images and Texts]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015. 279 p.

75. Panfilova S.S. Author's Comments on a Literary Text as a Phenomenon of Linguistic Hypertext. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Bulletin of Russian State Pedagogical University named after

A.I. Gercena], 2008, no. 821, pp 256–262.

76. Papina A.F. *Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii* [Text: it Units and Global Categories]. Moscow, URSS Publ., 2002. 368 p.

77. *Pis'ma S.V. Maksimova k A.V. Starchevskomu* [S.V. Maximov's Letter to A.V. Starchevsky]. Available at: <http://kostromka.ru/kostroma/land/01/maximov/> (accessed 25.01.2017).

78. Povarnitsyna M.V. Manipulation, Suggestion, Attraction and Fascination in a Creolized Text. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 2(106), pp. 117–124.

79. Pogodin M.P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 778 p.

80. Anderson K.M., Artamonova Yu.D., Boytsova O.Yu., Varkhotova V.A., Gutorov V.A., Ermashov D.V., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Kotov B.S., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezentsev S.V., Prokudin B.A., Setov N.R., Puchnina O.E., Chanyshv A.A., Shirinyants A.A. Political Textology as a Science and Academic Discipline: Round Table Discussion. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State University. Series 12. Political Sciences], 2014, no. 4, pp. 110–136.

81. Potebnya A.A. *Teoreticheskaya poehtika* [Theoretical Poetics]. St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., Moscow, Akademiya Publ., 2003. 384 p.

82. Pribram K. *Zazyki mozga* [Languages of the Brain]. Moscow, Progress Publ., 1975. 464 p.

83. *Psihologicheskij slovar' sajta Mir psihologii* [Psychological Dictionary of the "World of Psychology" Website]. Available at: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1053> (accessed 01.02.2017).

84. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 2* [Complete works. Vol. 2]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ, 1959. 784 p.

85. Robert Owen. *Zhizn' i idei* [Robert Owen. Life and Ideas]. Moscow, Moscow University Publ., 2014. 272 p.

86. *Rossiya v Velikoj vojne 1914–1918 godov. Obrazy i teksty* [Russia in the Great War 1914–1918. Images and Texts]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. 280 p.

87. Rudnev V.P. *Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta* [Away from Reality: Studies in the Philosophy of a Text]. Moscow, Agraf Publ., 2000. 432 p.

88. Shirinyants A.A., ed. *Russkaya social'no-politicheskaya mysl' XIX – nachala XX veka: M.A. Bakunin* [Russian Socio-Political Thought of XIX – Early XX Century: M.A. Bakunin]. Moscow, Centr strategicheskoy kon'yunktury Publ., 2014. 324 p.

89. Shirinyants A.A., ed. *Russkaya social'no-politicheskaya mysl' XIX veka: K.S. Aksakov* [Russian Socio-Political Thought of the Nineteenth Century: K.S. Aksakov]. Moscow, Politicheskaya mysl' Publ., 2011. 200 p.

90. Shirinyants A.A. (ed.) *Russkaya social'no-politicheskaya mysl'. 1850–1860-e gody: Hrestomatiya* [Russian Socio-Political Thought. 1850–1860s: Reader]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2012. 896 p.

91. Shirinyants A.A., ed. *Russkaya social'no-politicheskaya mysl'. Pervaya polovina XIX veka: hrestomatiya* [Russian Socio-Political Thought. The XI–XVII Centuries: reader]. Moscow, Moscow University Publ., 2011. 880 p.

92. Shirinyants A.A. (ed.) *Russkaya social'no-politicheskaya mysl'. XI–XVII vv.* [Russian social-political thought. The XI–XVII centuries]. Moscow, Moscow University Publ., 2011. 728 p.

93. Nikolaev P.A., ed. *Russkie pisateli. Biobibliograficheskij slovar'. T. 2. M – Ya* [Russian Writers. Biographic Dictionary. Vol. 2]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 446 p.

94. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T.7.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. Vol. 7] Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958. 1468 p.

95. Kuznetsov S.A., ed. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Riderz Dajdzhest Publ., 2004. 960 p.

96. Sonin A.G. *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyy aspekt* [Understanding Policode Texts: Cognitive Aspect]. Moscow, Linguistic Institute of RAS Publ., 2005. 220 p.

97. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Creolized Texts and their Communicative Function. In: *Optimizaciya rechevogo vozdejstviya* [Optimization of Speech Impact]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 180–186.

98. *SSSR i Avstriya na puti k Gosudarstvennomu dogovoru. Stranicy dokumental'noj istorii. 1945–1955. Obrazy i teksty* [USSR and Austria on the Way to the State Contract. Pages of Documentary History. 1945–1955. The Images and Texts]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015. 456 p.

99. Subbotin M.M. Hypertext. A New Form of Written Communication. In: *Itogi nauki i tekhniki* [Results of Science and Technology], 1994, vol. 18, pp. 1–158.

100. *Tolkovo-frazeologicheskij slovar' Mihel'sona* [Explanatory-Phrasebook of Michelson]. Available at: <http://enc-dic.com/michelson/Vpechatlenie-1499.html> (accessed 25.01.2017).

101. Trykova O.Yu. *Detskaya literatura: osnovnye funkcii, osobennosti vospriyatiya, fenomen bestsellera* [Children's literature: the basic functions, features of perception, the phenomenon of the bestseller]. Available at: <http://lib.1september.ru/2006/08/11.htm> (accessed 15.01.2017).

102. Tyupa V.I. Graduation Text Ensembles. In: *Evropejskij liricheskij cikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie: materialy mezhdunardnoi nauchnoi konferentsii, 15–17 noyabrya 2001* [European Lyrical Cycle. Historical and Comparative Study: Materials of the International Scientific Conference, November 15–17, 2001]. Moscow, 2003, pp. 50–63.

103. Fokeev A.L. *Sergej Vasilevich Maksimov: biografiya* [Sergey Maksimov: Biography]. Available at: <http://knigosite.org/library/read/18260> (accessed 20.01.2017).

104. Forsh O. *Sumashedshij korabl'* [A Crazy Ship]. Available at: <http://e-libra.ru/books/353475-sumashedshij-korabl.html> (accessed 21.01.2017).

105. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1986. 544 p.

106. Fedorova A.I., ed. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka konca XVIII–XX vv.* [Phraseological Dictionary of the Russian Language Late XVIII–XX Centuries]. Moscow, TOPIKAL Publ., 1995. 608 p.

107. Mihajlov R.V., Perevezencev S.V., Shirinyants A.A., comp. *Hraniteli Rossii: antologiya. T. 1. Istoki russkoj konservativnoj mysli. XI–XVII vv.* [Guardians of Russia: anthology. T. 1. The Origins of the Russian Conservative Thought. XI–XVII Centuries].

Moscow, Pablis Publ., 2015. 736 p.

108. Mihajlov R.V., Perevezencev S.V., Shirinyants A.A., comp. *Hraniteli Rossii: antologiya. T. 2. V poiskah novogo... konservativizma* [Guardians of Russia: anthology. T. 2. In Search of New ... Conservatism]. Moscow, Pablis Publ., 2015. 936 p.

109. Mihajlov R.V., Perevezencev S.V., Shirinyants A.A., comp. *Hraniteli Rossii: antologiya. T. 3. Rozhdenie russkogo konservativizma. 1800–1850 gg.* [Guardians of Russia: anthology. T. 3. The Birth of Russian Conservatism. 1800–1850]. Moscow, Pablis Publ., 2016. 1096 p.

110. Mihajlov R.V., Perevezencev S.V., Shirinyants A.A., comp. *Hraniteli Rossii: antologiya. T. 4. V poiskah russkogo puti. 1800–1850 gg.* [Guardians of Russia: anthology. Vol. 4. In Search of the Russian Way. 1800–1850]. Moscow, Pablis Publ., 2016. 1136 p.

111. Chernejko L.O. Hypertext as a linguistic model for literary text. In: *Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta* [Structure and Semantics of Literary Text]. Moscow, 1999, pp. 439–460.

112. Chernejko L.O. The metalinguistics: chaos and order. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 2001, no. 5, pp. 39–52.

113. Chernuhina I.Ya. *Obshchie osobennosti poehticheskogo teksta* [Common Features of the Poetic Text]. Voronezh, 1987. 158 p.

114. Chilingir E.Yu. Hypertext in literature, journalism and PR: sociocultural aspect. In: *Vestnik slavyanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2011, no. 19. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-v-literature-zhurnalistike-i-piare-sotsiokulturnyy-aspekt> (accessed 15.01.2017).

115. Chudinov A.P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaics in Modern Political Communication]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2003. 248 p.

116. Shapovalova T.E. From Temporal Generali to Temporal Timelessness. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2013, no. 4, pp. 18–21.

117. Shvecova V.M. Associative Lexical Resources of Textual Units. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Series 2: Linguistics], 2010, no. 1, pp. 205–210.

118. Shevryev S.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. M.: ROSSPEN Publ., 2010. 680 p.

119. Shirinyants A.A. *Nigilizm ili konservativizm? (Russkaya intelligenciya v istorii politiki i mysli)* [Nihilism or Conservatism? (Russian Intellectuals in the History of Politics and Ideas)] Moscow, Moscow University Publ., 2011. 649 p.

120. Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. From the organizing committee of the conference. In: *Politika v tekstah – teksty v politike: nauka istorii idej i uchenij (k 40-letiyu kafedry istorii social'no-politicheskikh uchenij fakul'teta politologii MGU imeni M.V. Lomonosova): Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 28–29 oktyabrya 2011 g.* [Politics in Texts – Texts in Politics: Science of the History of Ideas and Theories (on the 40th Anniversary of the Department of the History of Social and Political Studies of the Faculty of Political Science of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov): materials of the International Scientific Conference, October 28–29, 2011]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 3–4.

121. Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. Foreword. In: *SCHOLA-2013. Politika v tekstah – teksty v politike: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (M., 30–31 oktyabrya 2013 g.) [Politics in Texts – Texts in Politics: materials of the International Scientific Conference (Moscow, October 30–31, 2013)]. Moscow, Moscow University, 2013, pp. 3–4.

122. Shtraus L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Political Philosophy]. Moscow, Logos, Praksis, 2000. 364 p.

123. Shurupova O.S. Cultural and Linguistic Phenomenon of the Urban Text. In: *Filologicheskie znaniya na sovremennom ehtape: sbornic statej. Vyp. 4* [Philological Knowledge at the Present Stage. Vol. 4]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2015, pp. 168–173.

124. Shutov A.Yu., Shirinyants A.A. Foreword. In: *SCHOLA-2015: Politika v tekstah – teksty v politike: nauka istorii idej i uchenij: materialy Tre'tej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [SCHOOL-2015: Politics in Texts – Texts in Politics: Science of the History of Ideas and Theories: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, pp. 13–14.

125. Shutov A.Yu., Shirinyants A.A. Foreword. In: *SCHOLA-2016: Politicheskaya tekstologiya i istoriya idej: materialy Tre'tej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [SCHOOL-2016: Politics in Texts – Texts in Politics: Science of the History of Ideas and Theories: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Moscow University, 2016, pp. 11–12.

126. Shcherbakova M.I. *Proza S.V. Maksimova. Tekstologiya i voprosy poetiki: avtoref. ... dok. filol. nauk* [S.V. Maximov's Prose. Textual Criticism and Questions of Poetics: Abstract of D. of Philological Sciences] Moscow, 1997. 48 p.

127. Ehpshitejn V.L. *Vvedenie v gipertekst i gipertekstovye sistemy* [Introduction to Hypertext and Hypertext System]. Available at: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm> (accessed 26.01.2017).

128. Ehpshitejn M.N. Projective Dictionary of Philosophy. New Concepts and Terms. Philosophy of Language (1). In: *Topos : literaturno-filosofskii zhurnal. 2004. 12 noyabrya* [Topos: Literary and Philosophical Journal. 2004. November 12]. Available at: <http://www.topos.ru/article/3001> (accessed 05.02.2017).

129. Ehpshitejn M.N. Projective Dictionary of Philosophy. New Concepts and Terms. Philosophy of Language (2). In: *Topos : literaturno-filosofskii zhurnal. 2004. 22 noyabrya* [Topos: Literary and Philosophical Journal. 2004. November 22]. Available at: <http://www.topos.ru/article/3031> (accessed: 05.02.2017).

130. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkojazykovoj kartiny mira: (Modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Language Worldview: (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 344 p.

131. Althusser L. *The Humanist Controversy and Other Writings (1966–1967)*. London, New York, Verso, 2003. 318 p.

132. Althusser L., Balibar E. *Lire Le Capital*. Paris: François Maspero, 1973. 188 p.

133. Goodman L.E., Talisse R.B., ed. *Aristotle's Politics Today*. Albany: State University of New York Press. 2007. 168 p.

134. Benton T. *The Rise and Fall of Structural Marxism. Althusser and His Influence*. London: Macmillan, 1984. 260 p.

135. Booth W.C. *A Rhetoric of Irony*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1975. 292 p.
136. Dante Alighieri. *De vulgari eloquentia*. In: *Dante On line*. Available at: www.danteonline.it (accessed 25.01.2017).
137. Elster J. *Alexis de Tocqueville, the First Social Scientist*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 202 p.
138. Fowler R. *On Critical Linguistics*. In: *Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis*. London, New York, Routledge, 1996, pp. 3–14.
139. Ghosh K. *The Wycliffite Heresy. Authority and the Interpretation of Texts*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 298 p.
140. Haken G. *Synergetics*. Moscow, Mir, 1980. 404 p.
141. Hoey M., Mahlberg M., Stubbs M., Teubert W. *Text, Discourse and Corpora. Theory and Analysis*. London, New York, Continuum, 2007. 254 p.
142. Kahan A.S. *Aristocratic Liberalism. The Social and Political Thought of Jacob Burckhardt, John Stuart Mill and Alexis de Tocqueville*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1992. 228 p.
143. Kelly G.A. *The Human Comedy. Constant, Tocqueville and French Liberalism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 262 p.
144. Kuypers J.A., King A. *What is Rhetoric? In: Rhetorical Criticism. Perspectives in Action*. Lanham: Lexington Books, 2009, pp. 1–12.
145. Larson R.L. *Foreword*. In: Fahnestock J., Secor M. *A Rhetoric of Argument*. 2nd ed. New York, McGraw-Hill, 1990, pp. VII–X.
146. Matthias Flacius. *Clavis Scripturae Sacrae seu de Sermone Sacrarum literarum*. Available at: <http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd17/content/titleinfo/5473696> (accessed 25/012017).
147. McKee A. *Textual Analysis: A Beginner's Guide*. London, Sage Publications, 2003. 160 p.
148. Nelson T.N. *A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate*. In: *Proceedings of ACM 20th National Conference*, Cleveland, Ohio, 1965, August 24. New York, 1965, pp. 84–100.
149. Offe C. *Reflections on America. Tocqueville, Weber and Adorno in the United States*. Cambridge, Polity Press, 2005. 116 p.
150. Ostrom V. *The Meaning of Democracy and the Vulnerabilities of Democracies. A Response to Tocqueville's Challenge*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997. 330 p.
151. Plauché G.A. *Aristotelian Liberalism. An Inquiry into the Foundations of a Free and Flourishing Society: Thesis PhD of Political Sciences*. Bâton Rouge, 2009. 276 p.
152. Salkie R. *Text and Discourse Analysis*. London, New York, Routledge, 1995. 116 p.
153. *SCHOLA-2013: Politika v tekstakh – teksty v politike: nauka istorii idej i uchenij: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [SCHOLA-2013: Politics in the texts – texts in politics: science history of ideas and exercises: materials of the International scientific conference, October 30–31, 2013]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 364 p.
154. Scott C.E. *The Inconstant Democratic Character. A Comparison of Plato's*

Republic and Tocqueville's Democracy in America. Dissertation. New York, Department of Political Science at Fordham University, 2008. 442 p.

155. Steinert H., Treiber H. Die Revolution und ihre Theorien. Frankreich 1848: Marx, v. Stein, Tocqueville im aktuellen Vergleich. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1975. 102 S.

156. Widdowson H.G. Text, Context, Pretext. Critical Issues in Discourse Analysis. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 186 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лошаков Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник Высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: a.loshakov@narfu.ru

Loshakov Alexander G. – Doctor of Philological sciences, Honorary Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Literature and the Russian Language, Humanitarian Institute, Severodvinsk Branch, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. e-mail: a.loshakov@narfu.ru

Папуша Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культуры речи и риторики Московского государственного областного университета; e-mail: lastotchka@flexuser.ru

Papusha Irina S. – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Culture of Speech and Rhetoric, Moscow Region State University; e-mail: lastotchka@flexuser.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник Высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД Российской Федерации; e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Beglova Elena I. – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Бойцова Ольга Юрьевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии политики и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: olga.boitsova@gmail.com

Boitsova Olga Yu. – Doctor of Political sciences, Professor of the Department of of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University; e-mail: olga.boitsova@gmail.com

Шириняц Александр Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: jants@yandex.ru

Shirinyants Aleksandr A. – Doctor of Political sciences, Professor, Head of the Department of History of Social and Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; e-mail: jants@yandex.ru

Гуторов Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: gut-50@mail.ru

Gutorov Vladimir A. – Doctor of Philosophical sciences, Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg University; e-mail: gut-50@mail.ru

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: nathalik@mail.ru

Khalikova Natalia V. – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University; e-mail: nathalik@mail.ru

Симашко Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске; e-mail: t.simashko@narfu.ru

Simashko Tatiana V. – Doctor of Philological sciences, Honorary Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation, Professor of the Department of the Common and Germanic Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severodvinsk Branch; e-mail: t.simashko@narfu.ru

Швецова Виктория Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Мичуринского государственного аграрного университета; e-mail: vmsh72@yandex.ru

Shvetsova Victoria M. – Doctor of Philological sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature, Michurinsk State Agrarian University; e-mail: vmsh72@yandex.ru

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник Высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: nataly@lsm.ru

Gerasimenko Natalia A. – Doctor of Philological sciences, Honorary Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation, Professor of the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University; e-mail: nataly@lsm.ru

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: tshapovalova@gmail.com

Shapovalova Tatiana E. – Doctor of Philological sciences, Professor of the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University; e-mail: tshapovalova@gmail.com

Муратова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; e-mail: mouratova@tut.by

Muratova Elena Yu. – Doctor of Philological sciences, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University named after P.M. Masherov; e-mail: muratova@tut.by

Акулова Арина Алексеевна – аспирант кафедры русского языка и стилистики Московского политехнического университета, редактор детской литературы издательства «Лабиринт Пресс»; e-mail: arina_akulova@mail.ru

Akulova Arina A. – Postgraduate Student at the Department of Russian Language and Stylistics, Moscow Polytechnic University; Editor of Children’s Literature Publishing House “Labirint Press”; e-mail: arina_akulova@mail.ru

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник Высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: 1684941@mail.ru

Ledeneva Valentina V. – Doctor of Philological sciences, Honorary Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation, Professor of the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University; e-mail: 1684941@mail.ru

Артамонова Юлия Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: juliaartamonova@yahoo.com

Artamonova Yuliya D. – PhD in Philosophical sciences, Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: juliaartamonova@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Текст остаётся текстом? (круглый стол) / Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т.Е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Loshakov A.G., Papusha I.S., Beglova E.I., Boitsova O.Yu., Shirinyants A.A., Gutorov V.A., Khalikova N.V., Simashko T.V., Shvetsova V.M., Gerasimenko N.A., Shapovalova T.E., Muratova E.Yu., Akulova A.A., Ledeneva V.V., Artamonova Yu.D. Does a Text Keep Being a Text? (Round Table). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 2. URL: www.evestnik-mgou.ru